

Филология и Лингвистика

международный научный журнал

spazio

puwang

hapësirë

空間

gofod

космос

prostor

space

מָקוֹם

nafasi

espazo

espazioa

ruimte

Raum

tér

spás

spatium

telpa

plads

χώρος

spaco

plass

espacio

priestor

tila

przestrzeń

ruang

স্থান

espace

spațiu

სივრცეში

kosmik

plats

bannaan

uzay

ללח

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 2 (14) / 2020

Издается с июля 2015 г.

Главный редактор: Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Редакционная коллегия:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гибралтарская О.Н.
Репрезентация художественных систем М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака 1
- Гуань Линьли
Анализ авторской манеры повествования в раскрытии многогранностей характера главного героя повесть А. С. Пушкина «Выстрел» 3
- Низамова М.Н.
Феномен неовикторианства в оценке английского и российского литературоведения 4

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Fayzieva M.S.
From the history of poetics 7
- Якубов С.Б.
Узбекская литература в немецком литературоведении и литературной критике 9

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Эгамбердиева Г.М.
К вопросу о синкретизме в фольклорных жанрах 11

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алимова Н.Х.
Художественный мир новеллистики Бернарда Маламуда 13

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Лядащева Е.Д.
Характеристики экономического текста с точки зрения лингвокультурологии 15
- Махрова Л.С.
Проблемы филологического исследования в рамках математической лингвистики (на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») 17
- Сергеева Е.К.
Использование заимствований из французского языка в искусствоведческом дискурсе английского языка 19
- Цыденжапова Б.Н., Соктоева О.Ц.
Языковое выражение китайского этикета 21
- Шальнев Н.А.
Изучение слова карамора в этнолингвистическом аспекте 24
- Ярцева С.В.
Некоторые аспекты грамматической интерференции в «Спанглише» 27

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Крыпаева Е. В. Стилистические особенности освещения темы киберспорта на телеканале «2x2»	31
Крыпаева Е. В. Речевое своеобразие и работа комментаторов в трансляциях киберспортивных матчей на телеканале «Матч ТВ»	32

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Кокора Ю. В. Происхождение фразеологических единиц английского языка как объект лингвокультурологии	34
---	----

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Репрезентация художественных систем М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака

Гибралтарская Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Статья посвящена репрезентации художественных систем М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака в современной русскоязычной литературе. В частности, опосредованному представлению таких компонентов, как пространство, композиция, заглавие.

Ключевые слова: историко-эпохальное, национальное пространство, точка зрения, рассказчик-персонаж, композиция, завершающая и эстетическая форма.

Репрезентация художественных систем — один из ключевых феноменов современного литературного процесса. В данной статье репрезентация понимается, как опосредованное представление знаковых художественных систем, сформировавшихся в 20–30-е годы XX века, в другой художественной системе, в частности, в современных русскоязычных произведениях. Данное явление демонстрирует непосредственную связь современной русскоязычной литературы с русской литературой XX века и особую эстетическую концепцию действительности. Так, художественные системы М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака формируются вследствие взаимодействия романного и драматического, в частности, на уровне историко-эпохального и национального типах сюжетного пространства. Это находит отражение в произведениях А. Фазилова, А. Васильевой, В. Васильева, М. Зайчика, В. Попова, Е. Абдуллаева.

В пьесе «Кабала святош (Мольер)» и в романе «Жизнь господина де Мольера» представлены оба типа обозначенного пространства. Историко-эпохальное, как бы надвременное пространство, создается посредством символа театра — занавеса, разделяющего прошлое (век Мольера) и настоящее (современность), игровое пространство «комедиантов» и реальное пространство современного театра, и символа жизни и смерти главного героя. Национальное пространство — через упоминание творчества Грибоедова, Пушкина, Гоголя, аналогии судеб русских писателей и французского комедианта в контексте эстетического осмысления проблемы «художник и власть».

В творчестве Б. Пастернака также наблюдается взаимодействие романного и драматического, в частности, после романа «Доктор Живаго» он начинает писать пьесу «Слепая красавица», основная тема которой судьба та-

лантливого человека в сложных социальных и политических условиях. Пастернак решает осуществить исследование темы искусства и его роли в жизни отдельно взятой личности на историческом материале XIX века, тем самым представить исторические предпосылки сложившейся в XX веке ситуации. Такой же подход характерен для произведений «Уникальное подпространство», «Время осенних птиц», «Чалма Искандера (Альтернативная история)», в частности, пристальное внимание к ключевым историческим событиям XX века, наложившим отпечаток на научную и культурную жизнь, но при этом это «уникальное подпространство» с узнаваемыми чертами и конкретное время с обобщенным значением. В данном случае важна не прямая генетическая связь с произведениями М. А. Булгакова Б. Л. Пастернака, но общий подход к изображению историко-эпохального, надвременного пространства.

Феномены искусства, факты истории, науки и спорта, знаковые личности в произведениях «Боксэр», «Увидеть Ташкент...», «Проснуться в Ташкенте» позволяют охарактеризовать репрезентацию национального пространства, поскольку наглядно проиллюстрирована мифологема «Азия» с предельной осязаемостью деталей и «фантастичностью целого» [1, с. 5]. Содержание этих произведений позволяет расширить пространство и время, затронуть важнейшие вопросы современности, в частности диалога культур.

Отношение системы к своему субъекту раскрывает ценностный аспект точки зрения в композиции произведения. В повести А. П. Платонова «Котлован» прева-лирует отсутствие слияния субъекта оценки с объектом. Позиции героев, взаимно дополняя друг друга, эксплицируют ценностные ориентации каждого. Общая оценочная точка зрения показана через разрушение утопии

средствами самой утопии. В повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» точка зрения принадлежит рассказчику и окрашена иронией, сатирой и сарказмом.

Структурные и повествовательные особенности художественной системы А. П. Платонова, М. А. Булгакова репрезентируются в творчестве таких разных писателей, как З. Мусаков, А. Устименко. И. Н. Сухих считает, что три книги романа-лабиринта «Мастер и Маргарита» «сшивает» автор, перевоплощающийся то в строгого хроникера-евангелиста, то в разбитного фельетониста, то в патетического рассказчика, то в проникновенного лирика» [3, с. 484]. В повести З. Мусакова «Свинец» три сюжета, связанных с историческими событиями от Второй мировой войны до современности, составляют повесть из отдельных рассказов. Организующим началом является персонафицированный рассказчик-персонаж: Сиротин, Рим Марлен, Абдулла, при этом нет просто линейной или ретроспективной, или зеркальной композиции, но есть органичное соединение всех этих видов, поскольку судьба Рима Марлена и Умара Худоярова продолжена в судьбах Сиротина, Николаева и Абдуллы. Сиротин выступает автором повести «Записки проходимца» и рассказчиком-персонажем, ретроспективно воссоздающим события существования метрополии, Рим Марлен ведет дневниковые записи, образ Абдуллы является продолжением образа Умара Худоярова.

В повести А. Устименко «Хмарь стеклянной Бухары» перед каждой главой графически обозначен эпиграф, но особенность заключается в том, что это последние строчки предшествующей главы. То есть возникает необычная ситуация: чтобы понять смысл эпиграфа, надо помнить конец первой главы, чтобы иметь ориентир в понимании основной идеи второй главы, необходимо эпиграф соотносить с общей картиной представлений о мире. Ко всей повести предпослан эпиграф «Его жизнь сторала как-то криво, с одной стороны, как неудачно закуренная папироса. Анатолий Мариенгоф», но при этом получается, что основная тема повести в первую очередь связана не с отдельными судьбами героев (Есенина, Ширияевца, Волкова), но с общим осмыслением обстоятельств места и времени, в которых оказались герои.

А. И. Калыгин в работе «Ранний Бахтин. Эстетика как преодоление этики» говорит о терминах М. М. Бахтина «эстетическая форма» и «завершающая форма» [2, с. 54]. Исследователь говорит о том, что последний этап эстетического процесса по М. М. Бахтину, связан с обретением самодовлеюще-успокоенным, завершенным, художественным целым и что таким образом в слове проявляется идеальное содержание, которое называется М. М. Бахтиным «завершающей формой». Именно эти термины мы будем использовать по отношению

к роману А. П. Платонова «Счастливая Москва». Эстетическая форма реализуется здесь посредством заглавия, поскольку тема счастья, присутствовавшая в повестях «Котлован», «Джан», представлена непосредственно в заглавии, но автор выбирает форму имени прилагательного «счастливая», зависящего от имени собственного «Москва». Это главный город новой страны, в которой кипит новая жизнь, построенная по другим законам. Это воплощение конкретно-исторического аспекта понимания темы счастья. Москва — это женщина, воплощающая и судьбу современной молодежи, и вечные человеческие ценности: любовь, понимание, сострадание. Это реализация ценностного понимания счастья, его непреходящего значения. Завершающая форма произведения А. П. Платонова представляет собой формулу счастья, которая сама как бы разрушается изнутри.

По отношению к произведению М. А. Булгакова существует триада актуальных для реципиента заглавий: «Театральный роман» — «Записки покойника» — «Черный снег». Первое заглавие акцентирует внимание на жанровом понятии «роман» и особом виде искусства «театр». То есть эстетическая форма — концепция творчества, завершающая форма — творчество как жизнь, жизнь как театр. Заглавие «Записки покойника» отсылает нас к знаковым текстам в русской литературе, здесь представлен такой феномен как игра с заглавием другого текста и коррелирует с заглавием повести Сиротина «Записки проходимца». Третий член триады — «Черный снег» — ориентирует на анализ автореминисценций: непосредственно соотносится с заглавием «Белая гвардия», «Дни Турбиных».

В драматических произведениях в представлении завершающей формы участвуют заглавие, подзаголовок, список действующих лиц, авторские ремарки. Сравнительный анализ завершающей формы пьес М. А. Булгакова «Последние дни (Пушкин)» и А. П. Платонова «Ученик лицея» показал, что заглавие эксплицирует время, субъект изображения и пространство, поскольку писатели выбирают разные периоды жизни А. С. Пушкина: последние дни и лицейские годы. Картины о последних днях Пушкина показаны без Пушкина, то есть он отсутствует в пьесе в числе действующих лиц, но представлен опосредовано: в речи персонажей. Такой прием позволяет создать, с одной стороны, объективную, с другой стороны, трагическую картину.

Таким образом, в основе феноменов, наблюдаемых в современной русскоязычной литературе, лежит результат таких процессов, как репрезентация историко-эпохального и национального пространства, точки зрения, рассказчика-персонажа в композиции, завершающей и эстетической формы в заглавии.

Литература:

1. Давшан А. Н. Азия в русской литературе XX века. — Т., 2011.
2. Калыгин А. И. Ранний Бахтин. Эстетика как преодоление этики. — М., 2007.
3. Сухих И. Н. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: роман-лабиринт // Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы. — СПб., 2002.

Анализ авторской манеры повествования в раскрытии многогранностей характера главного героя повесть А. С. Пушкина «Выстрел»

Гуань Линьли, кандидат филологических наук, преподаватель;
Гуандунский второй педагогический институт (КНР, Гуанчжоу)

В статье рассматривается характер главного героя повести А. С. Пушкина «Выстрел». Акцентируются его многогранности. Особое внимание уделяется манере повествования автора в раскрытии неоднозначного существования человеческого «я» Сильвио.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, главный герой, романтический герой, повесть.

Начиная с Белинского, и сегодня многие критики творчества Пушкина рассматривают «Повесть Белкина» как «несерьёзную» прозу, не определившую эмоциональную позицию писателя в эстетическом отношении индивидуальной самооценности персонажей. Причем жизненные ситуации, в которых оказались пушкинские герои находятся на грани между жизнью и смертью, подчас в свете иронического повествования автора и юмористических подробностях изображенного бытия героев. А это значит, что сказочно-побасенный «стиль» «Повестей» носит искусно спрятанный, надуманный конфликт сюжетов, имитирующих замысловатость образного выражения великого художника.

Как известно, в нашей науке практически допустимы различные варианты исследовательской мысли о художественно-эстетической значимости произведений литературы. «Инвариантность» стала распространенным понятием в современном литературоведении, что позволяет расширить гипотетичность суждений как существующих, так и новых аспектах творчества писателя, в частности в структуре цикла «Повести Белкина».

Главный герой «Выстрела» всегда вызывал противоречивую оценку критиков самой «загадочной» повести Пушкина. До сих пор одни рассматривают его как романтического героя, другие видят в нем трагическую безысходность внутренней рефлексии, третьи — злобного неудачника. Как пишет В. М. Маркович, «Сильвио в каких-то отношениях подобен и »мстителю«, и »бунтарю«, и »герою«, но ни одному из этих определений он не равен: все они лишь приближают — с разных сторон и в разной мере — к целостной истине о персонаже, самой этой истине отнюдь не открывая» [1, с. 70].

Действительно, внутренние переживания персонажа Пушкина в какой-то мере переключаются с душевным разладом романтических героев мировой литературы. Романтика, как и трагизм, утверждает самоценность личностного «я», отстаивающего свою духовную нравственную индивидуальность, обладающую восторженной душой и импульсивностью сильных страстей («Кавказский пленник», «Цыганы»). Романтический герой многих произведений Пушкина — это личность в духе байронического разочарования, который »бежит от жизни«, проклинает её и ненавидит своё окружение за его примитивное существование. По характеру он бунтарь, не признающий никаких социально-нравственных

норм, как ему кажется, мешающих в достижении его высокой цели глобальной гражданской направленности.

Сильвио, в изображении Пушкина, — натура независимая от «чужого мнения», волевая, но не в осуществлении духовно-нравственного престижа и материального благополучия, а в утверждении своего человеческого достоинства в обществе. Эмоциональные амбиции и обостренные чувства стремления к лидерству, по сути, внутренне убеждают его исключительности человеческой природы. Быть «первым» — становится всепоглощающей страстью, которая и определяет его поступки как «возмутителя» общественного устроения.

И все-таки, следует заметить, что творческая эстетика в «Выстреле» формируется прежде всего в авторском осмыслении тщетности импульсивных порывов героя, обернувшихся для него ложными ценностями. Деньги, карьера, светская знаменитость, социальное положение в обществе — ничего не стоят. Свидетельством этой мысли является эпилог повести.

А это значит, что чувства и шальные поступки Сильвио, как ни противился этому сам герой, напрямую зависят от «чужого мнения»: сослуживцев, начальства, жён и т.д. И в этом состоит трагический парадокс жизни, «убивший» самобытность индивидуального «я» Сильвио, который попадает в «ловчие сети» своих друзей и «противников».

Пушкинский герой противится таким жизненным обстоятельствам, болезненно переживает неожиданные повороты в своей судьбе (две дуэли). Однако он сам спровоцировал эту ситуацию и должен идти до конца — отомстить, так как «вызов на картель и жест дуэльного противостояния оказываются лишь вынужденной в конечном счете формой подчинения существующему положению вещей» [1, с. 70].

Как пишет Н. Н. Петрунина, «Замкнувшись в идее мщения, Сильвио шаг за шагом порывает свои контакты с живой жизнью. Отставка, добровольное затворничество в неподвижном захолустье <...>, не омытая честь и неизбежная кара за отказ от всего человеческого — единственный отклик ума и сердца на уроки действительности — холодное и ясное сознание превосходства противника и собственной несвободы, родившейся из страсти первенствовать» [2].

Правда, Сильвио — необычный «мститель»: возненавидев и прилюдно оскорбив молодого красавца-графа,

он продолжает отдавать должное его красоте, уму, храбрости. В связи с чем дуэль с графом затянулась на годы. Причем он не стремится убить графа, а лишь «проучить его», и тем самым утвердить свой пошатнувшийся в гусарском полку авторитет: оставаться значительным и действующим лицом в глазах бывших товарищей, среди которых он «был первым буяном по армии», и они за это «обожали» его, оборачивается для Сильвио глубокой человеческой драмой.

Герой Пушкина, по-своему душевно восторженный, но честный, открытый и в чем-то наивен в отношении со своим соперником. Доказательством чего является манера поэтической повествовательности текста и композиционное построение сюжета. В повести «Выстрел» много субъективное повествование, эмоционально ощущаемое в индивидуально персонифицированном «я» трех рассказчиков (Сильвио, граф Б, подполковник И. Л. П.). Симметрична композиция повести, как пишет В. Шмид: «Ни в одной другой повести цикла эквивалентность ситуации, персонажей и действий не играет такой большой роли, как в »Выстреле«. Уже композиция на макроуровне обнаруживает очевидный параллелизм обеих глав» [4].

Но помимо трёх рассказчиков в тексте «Выстрела» существует и главный повествователь — автор как

смыслообразующий субъект, эмоционально нетождественный в своем личном общении с читателем и «видении» главного героя — Сильвио. То есть «образ автора» мыслится и так в сфере художественной (содержательной), и как в сфере, восходящей за её пределы, конкретно-исторической личности, создавшей литературное произведение для читательской аудитории (А. С. Пушкин).

Как правило, в эпических произведениях повествование идет от первого лица, и это основной тип повествования стал главным способом оформления художественных текстов в «Повестях Белкина». В структурном плане здесь нет принципиального различия между понятиями «автор», «повествователь», «рассказчик» — это синонимы одного понятийного ряда — словесно-конструктивного оформления художественного текста. И тем не менее под маской авторского «я» скрывается эмоционально-чувственная индивидуальность психологически и нравственно непохожая на персонажей произведения. А с другой — его личностное мироощущение на жизнь определяет эстетическую сущность всех формообразующих элементов литературного текста не только «Выстрела», но и каждой повести пушкинского цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».

Литература:

1. Маркович В. М. «Повесть Белкина» и литературный контекст // Пушкин: исследования и материалы. Л.: Наука Ленингр. Отд-ние, 1989. Т. 13. С. 63–87.
2. Петрунина. Н. Н. Проза Пушкина (пути эволюции). Л. 1987. С. 146.
3. Хализев В. Е. Говорящий человек. Диалог и монолог // Теория литературы. М.: «Высшая школа», 2002.
4. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама» / пер. с нем. А. И. Жеребина (I и II части); 2-е изд., исправ. и доп. СПб. 2013. С. 160.
5. Эсалнек А. Я. Теория литературы. М., 2010. 250 с.
6. Эсалнек А. Я. Анализ романного текста. М., 2004. 182 с.

Феномен неовикторианства в оценке английского и российского литературоведения

Низамова Мунира Низамовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Политические и социальные процессы в мире, изменившееся положение Великобритании, утратившей во второй половине XX века былую мощь, вызвали перестройку национального сознания британцев, для которых настоятельной потребностью стало «определить, что означает теперь быть англичанином». Проблема английской сущности, «английскости» (Englishness) широко обсуждалась на страницах периодических изданий, в художественных произведениях. Пожалуй, наиболее точно настроения соотечественников выразил один из корифеев английской литературы Д. Б. Пристли в книге «Англичанин» (1975). Пристли рассматривал «английскость» как социальное и психологическое явление, проблему английского характера в его историческом

аспекте. Прошлое для него неразрывно связано с настоящим, личность англичанина — сумма и итог развития науки, всего английского художественного творчества.

Интерес к проблеме «английскости» впервые заметно проявился в 60–70-е годы. Проблема «английскости» была актуальна для Ч. П. Сноу и М. Дрэббл, Э. Берджесса и М. Стюарт. Писателей разных поколений объединяло желание сохранить складывавшуюся веками систему духовных ценностей, национальную традицию. Начиная с писателя Д. Фаулз в статье «Быть англичанином, а не британцем» (1964) одним из первых сделал попытку определить, «чем англичанин отличается от шотландца, ирландца, валлийца, т. е., закономерность объединения всех обитателей Соединен-

ного Королевства под одним определением »британец». Английские писатели все пристальнее вглядывались в единственную реальность, оставленную им ходом истории — родную почву, свой дом, свою национальную принадлежность.

Эпоху викторианства называют золотым веком Британии, веком романа, который не только стал одним из элементов викторианской культуры, но ее общественным достоянием. Интерес именно к жанру романа российская исследовательница В. Ивашева связывала со «специфическим английским интересом к жизни личности, служением традиции, которая нигде не ощущается с такой силой, как в Англии» [1, с. 9]. 1970–80-е годы получили в литературе Великобритании название «викторианское возрождение»: издавались и переиздавались произведения писателей XIX века, создавались их литературные биографии, были экранизированы романы Д. Остен, Ч. Диккенса, У. Теккерея, Т. Гарди, Д. Голсуорси и других писателей. Английские литературоведы убеждены: викторианская литература переживает очередное возрождение в современной английской прозе, подтверждением чему является творчество молодых британских прозаиков, пришедших в литературу в эти годы, — П. Акройда, Д. Лоджа, А. С. Байетт, Г. Свифта, Д. Барнса. Романы этих авторов являются предметом обсуждения на международных семинарах как по английской литературе, так и викторианскому роману, а сами писатели — ключевыми фигурами британской литературы конца XX века.

Одной из особенностей английского неовикторианского романа является переплетение временных планов и ретроспективное повествование; при этом чаще всего время действия произведения переносится в недавнее прошлое — викторианскую Англию. Двухправленное сюжетное действие, обычное в таком типе повествования, характеризуется смещением интереса авторов в сторону историографии. Эта особенность, отличающая современный английский роман, вызвала большой исследовательский интерес: в конце 1990-х годов в английском литературоведении появился целый ряд справочных изданий, наиболее известные из которых «Лонгмановский путеводитель по викторианскому роману» Дж. Сазерленда, «Кембриджский путеводитель по викторианскому роману» Д. Дэвида, «Лонгмановский путеводитель по Британии XIX века. 1815–1914» К. Кука [2].

Интерес к викторианской эпохе был вызван, по мнению ведущего британского литературоведа Малькольма Брэдбери, не столько постмодернистским интересом к истории в целом, сколько особым положением викторианской эпохи в сознании англичан: «видимым сходством двух эпох — эры королевы Виктории (1837–1901) и своеобразной эры Маргарет Тэтчер (1979–1990)» [3, с. 404]. В то время как Тэтчер стремилась возродить «викторианские ценности», а романы викторианских классиков выходили большими тиражами, довольно значительное количество писателей устремили свой взгляд в прошлое, в XIX век, когда «индивидуализм казался крепче, социальная действитель-

ность четче» [3, с. 404]. Анализируя причины «одержимости» британской литературы историей, В. Каннингем признает: «Прошлое — это классика. А потому прошлое вторгается в современное литературное сознание в виде некоей недостижимой мощи, вызывающей одновременно и зависть, и сожаление» [4, с. 228]. Автор книг «Понять Британию» и «Понять английскую литературу» К. Хьюитт называет несколько причин притягательности XIX века: это не столь отдаленная эпоха, XIX век ассоциируется в сознании англичан с важнейшими событиями в истории страны: «В XVIII веке мы изобрели новое в науке, сельском хозяйстве и промышленности... В XIX веке мы еще больше расширили нашу империю, произвели на свет таких ученых, как Дарвин, усовершенствовали парламент, увеличили богатства Британии...» [5, с. 138].

Из фундаментальных исследований, посвященных литературоведческим проблемам, необходимо назвать монографию Даны Шиллер «Исследования жанра романа» (1997). В главе «Искупительное прошлое в неовикторианском романе» впервые введен термин «неовикторианский роман», который исследовательница трактует как «исторический роман, соединяющий в себе постмодернистскую историографичность с традиционным» культурно-историческим подходом, и обращающийся в прошлое для того, чтобы проследить, как это прошлое видоизменяется под воздействием современных событий» [6, с. 539]. К неовикторианским Д. Шиллер относит романы П. Акройда и А. С. Байетт. Кора Каплан в книге «Викториана — Истории, Романы, Критика» (2007) приводит примеры возвращения (или, по Каплан, »реинкарнации») сюжетов, мотивов, образов викторианской литературы в современной английской прозе [7, с. 29]. Причину увлеченности прошлым Линда Хатчеон видит в том, что »современная культура ностальгична» [8]. С этим выводом согласен М. Брэдбери, высказав предположение, что британские романисты все еще пытаются »соорудить своеобразный мост между деконструирующим настоящим и неясным прошлым» [3, с. 361]. По его мнению, постоянные обращения П. Акройда, Д. Лоджа, А. С. Байетт к »веку минувшему» позволяют писателям разобраться в противоречиях настоящего.

Проблема исторического процесса в произведениях британской прозы конца XX века — предмет исследования и российских литературоведов. Этой проблеме посвящены диссертации Ю. С. Райнеке, Б. М. Проскурнина, О. А. Толстых, В. В. Струкова, С. А. Стринюк и др. [9] По мнению Т. Н. Красавченко, стремление писателей XX века создавать викторианский роман связано с тем, что в Англии «психология, представления о нравственности, характер культуры, литературы во многом формировались как реакция, то есть усвоение и отрицание, преодоление именно викторианского склада сознания, викторианских этических представлений, канонов общественного бытия» [10, с. 141]. Анализируя современный английский роман, исследовательница отмечает как характерный для него «процесс взаимодействия с литературой прошлого, продолжение и ис-

пользование традиций предшественников. Игра с традицией становится основополагающим принципом современного романа, строящегося одновременно как продолжение и переосмысление, новое прочтение литературы прошлых веков» [10, с. 128]. А. П. Саруханян рассматривает неовикторианские романы как развитие традиции классического реалистического романа XIX века в целом, подчеркивая, что «дихотомия »традиция — эксперимент« на протяжении всего столетия во многом определялась тем, что литература воспринимала себя в со- и противопоставлении с предыдущим веком как эпохой викторианства» [11, с. 109]. Противоположную позицию занимает С. А. Стринюк, связывая появление неовикторианских романов с новым, постмодернистским взглядом на историю вообще и викторианскую эпоху в частности: «Сама постмодернистская концепция истории строится на ее критическом осмыслении, сомнении в достоверности, пересмотре переосмыслении линейности движения исторического знания» [9, с. 16]. По мнению исследователя, эта кон-

цепция дает возможность различных интерпретаций одних и тех же событий их особое место в жизни каждого человека, порождая идею постоянного присутствия прошлого в настоящем. С позиций этой историографической концепции С. А. Стринюк анализирует романы Грэма Свифта. «Современный английский роман создавался прежде всего как роман-пастиш, в котором соединены в единое целое стили различных викторианских писателей. Сам ритм повествования надо искать в викторианской эпохе, золотом веке Британии», — утверждает Е. Н. Касаткина. [12, с. 195]

Несмотря на приемы постмодернистского письма, сетуя на «невозможность писать по-старому», английские писатели все чаще обращаются к викторианскому роману, используя его как материал для своих произведений, по-новому прочитывая его, трансформируя. Взятые в своей совокупности, произведения современных авторов воспринимаются как своеобразная антология английской литературы XIX века.

Литература:

1. Ивашева В. В. «Век нынешний и век минувший»... Английский роман XIX века в его современном звучании. — М.: Худ. лит., 1990.
2. Sutherland, J. The Longman companion to Victorian fiction / J. Sutherland. — Harlow: Longman group, 1988; The Longman companion to Britain in the nineteenth-century 1815–1914 // Ed. C. Cook. — Harlow: Longman group, 1999; The Cambridge companion to the Victorian novel / Ed. by D. David. — Cambridge University Press, 2001.
3. Bradbury M. The modern British novel. 1878–2001 / M. Bradbury. — L.: Penguin books, 2001.
4. Каннингем В. Английская литература в конце тысячелетия / В. Каннингем // Иностранная литература, 1995, № 10.
5. Hewitt K. Understanding Britain / K. Hewitt. — Oxford: Perspective Publications, 2004.
6. Shiller D. The Redemptive past in the neo-Victorian novel / D. Shiller // Studies in the novel. 1997. 29.4.
7. Kaplan C. Victoriana. Histories, Fictions, Criticism / C. Kaplan. — Edinburgh: Edinburgh University Publishing, 2007.
8. Hutcheon L. Irony, nostalgia and the postmodern Electronic resource. / L. Hutcheon. University of Toronto English language main collection, 1998. Access mode: <http://www.library.utoronto.ca/utel/criticism/hutchinp.html>. 20.08.2008
9. Райнеке, Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): Дисс.канд. филол. наук. — М.: 2002; Толстых О. А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа). Автореф... дисс.канд филол.наук. — Екатеринбург: 2008; Стринюк, С. А. Человек и история в романах Грэма Свифта («Водоземье», «Отныне и навсегда», «Последние распоряжения»): Дисс.канд. филол. наук. — Пермь: 2003; Струков В. В. Художественное своеобразие романов П. Акройда (к проблеме британского постмодернизма). Дис.канд. фил. наук. — Воронеж, 1998.
10. Красавченко Т. Н. Реальность, традиции, вымысел в современном английском романе / Т. Н. Красавченко // Современный роман: опыт исследования / Отв. редактор Е. А. Цурганова. — М.: Наука, 1990. \
11. Саруханян А. П. Роман среды и характера: английская литература 70-х гг. / А. П. Саруханян // Новые художественные тенденции в развитии реализма на Западе. 70-е гг. — М.: Худ. лит-ра, 1982.
12. Касаткина Е. Н. John Bull вздремнул, или «Fin de siècle» по-английски. // Новый мир, 2000, № 8.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

From the history of poetics

Fayzieva Malika Sadykovna, Senior Lecturer

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (r. Tashkent, Uzbekistan)

The article provides a review of theoretical studies that consider the concept of poetics. The characteristic of fundamental works devoted to the definition of the phenomenon of poetics from antique period to the present time in foreign and national literature is given.

Key words: *poetics, literary criticism, theoretical foundations, historical and theoretical poetics, genesis, syncretism, image, literary theory, form, content, poetic art.*

Poetics is a branch of literary theory that studies the system of means of expression in a literary work. The term «poetics» has a long history. In the dictionary the following definition is given: «Poetics (from the Greek *poietike* — poetic art) is a branch of literary theory that studies the system of means of expression in a literary work.» [6, p. 227–244].

Jan Mukarovsky defines poetics as the aesthetics and theory of poetic art: «Poetics — »the doctrine of the Genesis (syncretism), the essence (mimesis, image, sign, symbol, allegory), types (kinds, genres, modes) and forms (motive, plot, personnel, tropes and figures, dialogue and monologue, etc.) of verbal literary creativity; a system of scientific concepts, justified from both philosophical and linguistic points of view and adequate to its dual subject «the artistic language of literature» and the literary work as a statement in this language» [4, p. 56].

Viktor Zhirmunsky calls poetics «the science of literature as an art, the science of poetic art, the science of poetry, in other words, the theory of poetry» [5, p. 231]. «If we accept this, lightened by time, — the scientist believes, — we can consider that in recent years the science of literature has developed under the sign of poetics. It is not the evolution of the philosophical worldview or the »sense of life« on the monuments of literature, not the historical development and change of social psychology in its interaction with the individual psychology of the poet that is currently the subject of the most lively scientific interest, but the study of poetic art, historical and theoretical poetics» [5, p.243].

The founder of poetics is Aristotle. His work «Poetics» can be considered the first detailed study of poetics, as a fundamental element of the analysis of artistic literature. Analyzing the poetics of ancient Greek tragedy and comedy, Aristotle established the theoretical foundations of literary study. He proceeded from the idea that there must be an «art», by owning it to compose a tragedy, and there must also be a science that teaches this art.

Such a science, — says G. K. Kosikov, — «the science of creating» poetic works, instruction in the art of composing exemplary tragedies was «Poetics» by Aristotle [1, p. 10]. According to Aristotle, the aim of poetics is «to instruct the poet in his creativity». Secondly, it had a normative and prescriptive character, and these instructions were thought of as valid for all time immutable rules that the poet must strictly observe. Aristotle's «poetics» was pragmatic, as it contained a set of practical rules. In the Aristotle's doctrine was paid attention to the evolution of themes, artistic means, in particular, metaphor.

In the history of European poetics, there are two main stages in its formation and development: the first from antiquity to the turn of the XVIII–XIX centuries, and the second — from the end of the XIX century to the present. At the first stage, the poetic teaching had been passed the full cycle of its development, and poetics not only preserved, but also clearly followed the ideas of the literary work as a whole and in any part of its ideal prototype. In the middle ages, the provisions of Aristotle's theory formed the basis of the provisions of the rhetoric of *trouveurs*, who developed new methods of poetic technique. The real scientific research of Aristotle's work began during Renaissance. Translated into Italian by Julius Caesar Scaliger in 1570, «Poetics» became the basis of his own system of aesthetic principles that met the requirements of the fourteenth century. Analyzing the main purpose of art, Scaliger and his follower Giacomo Castelvetro emphasized that art should teach and give pleasure. Thus were laid the foundations of the aesthetics of classicism, developed in detail by N. Boileau in the poem «Poetic art» (1674).

In the age of Enlightenment with the advent of realistic trends in literature revealed the limitations of the provisions of normative poetics: the rules did not help to fully reflect the diversity of manifestations of life. Thus began the destruction of poetic and rhetorical teaching. Formed at the

end of the XVIII century, the Humanities laid the foundations of a new science — literary studies.

The task of poetics: select a literary work as a phenomenon of art from other works of literature, answering the question about its nature as an artistic whole; to distinguish a work of verbal art from nonverbal artistic creations, defining the specifics and the limits of speech material; to identify the main aspects and elements of artistic structures and their functions; identify types of works; to establish the most important stages of the historical development of verbal artistic creativity; to describe the main «artistic languages» that exist at different stages of the history of verbal art and to study the processes and establish the laws of literary creativity: its Genesis, the historical change of artistic languages and the dominant types of literary works, as well as the transformation of various genres and their structural elements.

First of all, historical poetics was singled out as a positive historical discipline based on the facts of the history of culture, folklore and ethnography. The founder of historical poetics was A. N. Veselovsky. In his works, a large range of issues of historical poetics was put forward and resolved.

On the basis of correlation of structures of the poetic text with individual psychology of the author and the reader was formed theoretical poetics which originated by Alexander Potebnja and Wilhelm Dilthey. A. A. Potebnja in the book «From notes on the theory of literature» (1905) defined the tasks of general, or theoretical, poetics: systematic study of poetic techniques, their comparative description and classification. «Theoretical poetics must build, on the basis of concrete historical material, the system of scientific concepts that the historian of poetic art needs in solving the individual problems that confront him.» [2, p. 28]. The same idea was expressed by V. B. Tomashevsky: »The task of poetics (otherwise—the theory of literature) is to study the ways of building literary works. [3, p. 56]

Under the theoretical approach, literary phenomena are subject to generalization, and therefore are considered not in their individuality, but as the results of the application of general laws of construction of literary works. Each work is consciously divided into its component parts, in the construction of the work there are different methods of such construction, i.e., ways of combining verbal material into artistic unity. These techniques are the direct object of poetics. «If attention is drawn to the historical genesis, to the origin of these techniques, we come to historical poetics». [6, p. 77].

The next stage of development of poetics began at the turn of the XIX–XX centuries by developing it on completely

new principles. Modern times have given many theoretical works devoted to the study of poetics, and many interpretations of this term. In the first decades of the XX century, there were also two directions in solving this problem by more closely studying and continuing the scientific tradition of literary criticism of the early XIX century.

A new stage in the development of poetics in the history of Russian literary studies was marked by the publication and great influence on specialists of monographs, collections of works and individual articles by S. Averintsev, M. Bakhtin, N. J. Berkovsky, V. V. Vinogradov, L. J. Ginzburg, D. S. Likhachev, L. E. Pinsky, B. A. Uspensky, A. P. Skaftymov, which were on paramount methodological importance. An important role in the development of actual problems of poetics was played by the reissue of the most important studies of V. M. Zhirmunsky, V. J. Propp, A. P. Skaftymov, U. N. Tynyanov, B. V. Tomashevsky, O. M. Freudenberg, B. M. Eichenbaum, A. A. Potebnja and A. N. Veselovsky. In the 1960s, attempts were made to revive poetics as an essential component of literary theory. Almost simultaneously (1963–1965) M. M. Bakhtin's «Problems of Dostoevsky's poetics» (the second edition, the first was published in 1929), U. M. Lotman's «Lectures on structural poetics» and a three-volumed «Theory of literature» prepared by the staff of the Academy of Sciences were published.

«Along with the considered meaning of the term poetics (as a scientific discipline), there is another meaning in the composition of such expressions as »poetics of literature« (a certain era, for example, antiquity or the middle ages), »poetics of trends« (romanticism, realism) or genre, »poetics of the writer« (Pushkin, Gogol), »poetics of the literary work«. In these cases, poetics is called a system of structural features of a given phenomenon and a set of meanings assigned to them, that is, such properties of a whole period in the history of literature, a trend or genre, the writer's creativity or a literary work, which is considered to be the subject of study of poetics as a science». [7, p. 190].

The goal of poetics is to understand the «objectively inherent» meaning of the text, determined by scientific methods, although this meaning is changing, because in the history of culture there is always a rethinking of artistic structures. Some of the meanings contained in a literary work are lost in the course of history: the context necessary for understanding disappears. On the other hand, in the course of historical development there is an enrichment of meanings.

References:

1. Косиков Г. К. Предисловие // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. // Сост. общ. ред. Г. К. Косикова. — М.: МГУ, 1987
2. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М.: 1976
3. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. — М.: Аспект пресс, 1999
4. Мукаржовский Я. Поэтика // Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. — М.: 1994
5. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977
6. Гаспаров М. Л. Поэтика // Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС). <http://www.bsu.ru/content/page/1415/hec/hr/hr1.htmlc>.

7. Kamilova S.E. Genre Transformation of a Short-Story in the Late XX–Early XXI Centuries in Russian and Uzbek Literature.// Journal of Language and Literature Education, 2016, p.188–198

Узбекская литература в немецком литературоведении и литературной критике

Якубов Садиржан Бакиевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

С начала 1960-х годов литературоведы Германии начинают проявлять все больший интерес к узбекской литературе, к ее классике как к истокам развития литературы современной.

В 1966 г. в Лейпциге издается «Лексикон литератур народов мира» [9], где Дорис Шульц опубликовала ряд статей об узбекских писателях. Этот «Лексикон» позволял немецким читателям познакомиться с жизнью и творчеством выдающихся узбекских писателей и поэтов: Алишера Навои, Хамза Хаким-заде Ниязи, Гафура Гуляма, Айбека, Абдуллы Каххара.

«Узбекско-немецкий словарь», подготовленный к изданию Дорис Шульц [6], демонстрирует искреннюю симпатию немецкого ученого к узбекскому народу, его литературе и языку.

Большой вклад в развитие узбекско-немецких литературных отношений внесла книга «Иностранные писатели» [7], вышедшая в 1971 г. в Лейпциге. В этой работе немецкий читатель знакомится с творчеством ряда видных узбекских писателей.

В деле укрепления международных литературных отношений узбекской литературы значительный вклад внесла книга «Литература народов Советского Союза» [10]. В ней приведены подробно сведения об истоках развития узбекской литературы.

Известно, что литература узбекского народа в своем развитии претерпело много трудностей. «Из-за введения ислама, а также арабского языка,— пишет Г. Дудек,— возникла литература религиозно-мистического содержания, которое оставалось гоподствующим до XIV века» [1, с.289]. Наряду с этим, Г. Дудек дает высокую оценку творчеству Алишера Навои: «Навои снова возвысил староузбекский язык в своих четырех томах »Лирики« и шести больших поэмах и дал толчок общего развития узбекской и другой литературы Центральной Азии. Навои относится к поэтам мировой литературы» [1, с.116].

Эта оценка подтверждает выдающуюся роль великого поэта в развитии узбекской литературы [3].

В работе рассматривается творчество Бабура (1483–1530), Машраба (1657–1711). Мукими (1851–1903), Фурката (1850–1909), Завки (1853–1921).

Немецкие литературоведы значительное место в исследовании уделяют творчеству народного узбекского писателя Хамзе Хаким-заде Ниязи.

Немецкий литературовед Г. Дудек приводит подробные сведения о творчестве узбекских писателей, таких как Г. Гулям, Х. Алимжан, Айбек, А. Каххар, Уйгун и Гайрати.

Это литературоведческое исследование выполнено на высоком научном уровне и играет большую роль в деле популяризации узбекской литературы в Германии. Книга немецких литературоведов вносит большой вклад в развитие литературного сотворчества.

В 1975 г. вышли в свет еще две фундаментальные работы литературоведов Германии, направленные на изучение узбекской литературы.

Создание книги «Handbuch der Sowetliteratur (1917–1972)» (Справочник советской литературы (1917–1972) [2] служит успешному разрешению разнообразных проблем в литературном сотрудничестве.

В этой работе немецкие литературоведы дают подробную характеристику узбекской литературе — литературе как дореволюционного, так и послереволюционного периодов, приводят обширные сведения об узбекских писателях XX века.

В фундаментальной работе немецких литературоведов значительное место уделяется творчеству узбекского поэта и драматурга Хамза Хаким-заде Ниязи.

«Продолжая и развивая лучшие традиции узбекской классической литературы, Хамза выступил в то же время как новатор, положивший начало узбекской литературе советского периода. Он был поэтом и драматургом, педагогом и композитором, публицистом и театральным режиссером. Многогранная деятельность Хамзы,— отмечается в монографии,— яркая страница в истории развития узбекской литературы и культуры» [2, с.41].

О роли драмы Хамзы «Бай и батрак», классическом произведении узбекской драматургии, немецкие литературоведы пишут: «Развитие нерусской драматургии проходило в рамках и в соответствии с уровнем развития отдельных наций. Хамза создал в Узбекистане своим спектаклем »Бай и батрак« уже в период гражданской войны, узбекскую драматургию...» [2, с.42].

Творения Хамзы, насыщенные духом патриотизма, служили и служат орудием в борьбе против сил реакции, борьбе за светлое будущее человечества.

Хамза, чьи произведения связаны с судьбой народа и пропитаны духом демократизма, был и остается очень популярным у народов не только Средней Азии, но и Европы.

В работе дается подробная оценка творчеству узбекских писателей XX века — Г. Гуляма и Айбека, А. Кадыри и А. Каххара, Зульфийи и А. Мухтара.

Книга «Справочник советской литературы (1917–1972)», вышедшая в Лейпцигском библиографическом

институте, способствует углублению литературных отношений узбекской литературы в стране немецкого языка.

В 1975 г. в Берлине издана книга «Multinationale Sowetliteratur — Kulturrevolution — Menschenbild (1917–1972)» [5] (Многонациональная советская литература. Культурная революция. Образ человека (1917–1972), осуществленная учеными Института истории литературы Академии наук Германии при непосредственном содействии Института мировой литературы им. М. А. Горького.

В этой работе немецких ученых хронологически освещены и раскрыты этапы развития многонациональной советской литературы с 1917 г. до 1980 года. В том числе большое внимание уделено и развитию литературы Средней Азии.

Немецкими литературоведами отмечается роль творчества классика, основоположника узбекской литературы — Алишера Навои. Ученые, оценивая песни Навои в главе книги «Многообразие и богатство многонациональной литературы» пишут: «Хвалебная песня о красоте» Навои нашло свое позитивное значение теперь уже «интернационалистического принципа» [5, с.58].

В этой работе заслуживает внимания и тот факт, что предметом изучения являются различные темы, ставшие объектом изучения среднеазиатских писателей XX века. Так, в творчестве узбекского писателя А. Мухтара немецкие исследователи отмечают как одно из главных качеств умение «...писать о рабочем — значит писать о лице нации» [5, с.62]. То же выделяется и в творчестве А. Каххара.

Эта фундаментальная работа немецких литературоведов представляет большой вклад в изучение и популяризацию узбекской литературы наряду с литературными народами Средней Азии в Германии и содействует

успешному решению различных проблем в области литературного сотрудничества.

Еще одним значительным шагом в ходе изучения тематики произведений писателей Узбекистана в Германии, информацией о его народе и о достопримечательностях страны является книга видного немецкого журналиста Рихарда Криста «За 100 дней вокруг половины земли», вышедшая в 1976 г. в Берлине [8]. Эта книга является значительной работой в узбековедении в Германии. В работе автор знакомит немецкого читателя с достопримечательностями Узбекистана.

Книга видного немецкого журналиста Рихарда Криста вносит большой вклад в дело популяризации и изучения Узбекистана.

Благодаря расширению контактов между Узбекистаном и Германией, взаимному посещению и изучению наших государств, немецкие литераторы создали целый ряд произведений об узбекской земле, ее людях, традициях. Наиболее значительными из таких произведений является книга Эгоса Эрвина Киша «Репортажи из пяти континентов», вышедшая в 1978 году в Лейпциге [4].

Так же, книга немецкого автора Иоахим Шрека знакомит немецкого читателя с впечатлениями, переживаниями и рассказами об истории народов Азии, о традициях, обрядах и обычаях узбекского народа.

Достоин внимания и тот факт, что эта работа Иоахима Шрека, рассказывающая о судьбе бедняка Хоссията, вносит большой вклад в узбековедение в Германии и развитие литературной взаимосвязи двух народов.

Эти исследования, осуществленные учеными, писателями, литературоведами, журналистами и издательствами Германии, служат не только процессу взаимобогащения литератур, но и процессу сближения наших народов и укреплению теснейших контактов наших литератур и дружбы народов.

Литература:

1. Dudek G. Die Uzbekische Literatur (Die Literaturen der Volker der Sowjetunion),— Leipzig. 1967, с. 289.
2. Handbuch der Sowetliteratur (1917–1972).— Лейпциг. 1967.
3. Kamilova S. E. Genre Transformation of a Short-Story in the Late XX–Early XXI Centuries in Russian and Uzbek Literature// Journal of Language and Literature Education, 2016, p.188–198
4. Kisch E. E. Reportagen aus fünf Kontinenten.— Zeiprig.1976
5. Multinationale Sowetliteratur — Kulturrevolution — Menschenbild (1917–1972).— Berlin. 1975.— С. 62.
6. Schulz D. Usbekisch-Deutsches Wörterbuch.— Leipzig. 1967.
7. Иностранцы писатели.— Лейпциг.1967.
8. Крист Р. За 100 дней вокруг половины земли.— Берлин. 1976
9. Лексикон литератур народов мира.— Лейпциг.1966.
10. Литература народов Советского Союза.— Лейпциг 1967.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

К вопросу о синкретизме в фольклорных жанрах

Эгамбердиева Гузал Мадияровна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Фольклорные жанры, будучи направленными на отображение жизни во всем ее разнообразии в историческом прошлом какого-либо определенного народа, пережили достаточно длительный и довольно сложный процесс своего развития.

Жанры письменной литературы объединяются в три рода. Фольклорные жанры также можно втиснуть в данные рамки. Однако, в определении того, к какому роду отнести их отдельные жанры, имеются определенные проблемы [8]. По мнению фольклориста Б. Саримсакова, пословицы, поговорки, загадки, афоризмы, фразеологизмы, образные выражения, крылатые слова следует рассматривать отдельно, определяя в качестве паремического рода [5, с.54]. В свое время, когда Аристотель разделил на роды жанры, имеющие отношение к искусству слова, во главу угла ставился принцип мимесиса, который представляет собой воссоздание чего-либо на основе изображения действительности. При этом находят свое проявление такие творческие акты, как обобщение, наслаждение, изучение, опора на образы. А в паремических жанрах свойство воссоздания действительности на основе ее изображения не наблюдается. Данный род характеризуется, в основном, двумя моментами: 1. Выражаемая идея уже прошла свое жизненное испытание и ни у кого не вызывает сомнений; 2. Произведения подобного типа в равной мере задействованы представителями всех народов.

Отдельные из данных образцов — пословицы, загадки, существуют в качестве самостоятельных жанров. А остальные еще требуют специального изучения.

Вопрос о родах и жанрах действительно характеризуется большой сложностью, и в связи с этим, приведенные выше суждения Б. Саримсакова представляют собой с научной точки зрения весьма сложную, но в то же время довольно занимательную проблему.

В данных жанрах, характеризующихся в качестве паремического рода, наряду с единичными свойствами, имеет место определенная близость и даже сходства, которые требуют специального исследования. Отдельные из этих жанров широко используются и в письменной литературе. Примером сказанному могут послужить афоризмы и крылатые слова.

Известно, что в фольклоре существуют эпические жанры, отображающие жизненные события на основе

повествования, лирические жанры, в основе которых лежат глубочайшие чувства и переживания, а также жанры драматического характера, изображающие жизнь в движении, посредством сцены. Если рассмотреть их с точки зрения художественной формы, то можно разделить, в основном, на произведения стихотворного и прозаического характера. Среди жанров данный принцип может существовать и в смешанном виде. Практически равное задействование в дастанах прозы и поэзии, и, помимо этого, проявление в данном жанре качеств, связанных с музыкой и исполнением песни, подтверждает наличие у него синкретического характера.

Все это вызывает необходимость четкого определения жанровых границ, раскрытия характерных для них специфических качеств, исследования их генетического родства.

«Любой жанр возникал на основе сложившейся устно-поэтической традиции и в процессе своего развития вступал в разнообразные взаимоотношения с другими жанрами. Специфика для любого жанра — его основные образы и приемы, их характеристики, сюжеты, мотивы и композиция, посредством которых оформляются жизненные ситуации и конфликты, характерные для данного жанра» [6, с.36].

Таким образом, фольклорные жанры тесно контактировали и на протяжении веков взаимно обогащали друг друга. В то же время, посредством объекта изображения и изобразительных приемов они приобретают свойство специфичности.

Если в данном вопросе обратиться к паремическим жанрам, то можно наглядно убедиться в их взаимной близости и, в свою очередь в том, что они служили в качестве своеобразного посредника в формировании других жанров или освещении объекта изображения. Если же рассмотреть взаимоотношения песен и пословиц, поговорок и загадок, то данный вопрос получает большую конкретизацию. Согласно определению целого ряда исследователей, жанры пословицы и песни зародились непосредственно в процессе человеческого труда. Данное суждение подтверждают многие образцы вышеуказанных жанров.

Пословица, с точки зрения своего происхождения, считается одним из древнейших жанров. Наиболее ранние их образцы Дж. Фрезер связывает с табу [7,

с.251]. Действительно, в пословицах имеет место категоричное суждение, и данное свойство в них проявляется наподобие табу.

Во многих исследованиях, в которых идет речь о пословицах и песнях, отмечается их взаимная близость, значение каждого жанра в качестве важнейшего средства при формировании другого. По определению В.М. Гордлевского, «Пословицы, точнее, рифмованная проза организует процесс метрического построения тюркских песен. Обычно пословицы состоят из двух частей, которые взаимно рифмуются, состоят из определенных звеньев, стоп, составляя основную ячейку народной поэзии» [2, с.229]. Если обратиться к тюркской поэзии раннего периода, то можно убедиться в том, что отдельные четверостишия с точки зрения своей формы и содержания проявляют определенную близость к пословицам и загадкам. В.М. Жирмунский, отметивший то обстоятельство, что ранние образцы тюркской поэзии основаны на ритмико-синтаксическом принципе, также подтверждая вышеприведенное суждение, писал: «...в генезисе и структуре народного стиха могут служить народные пословицы и загадки»... [3, с.654]. Если взять во внимание тот факт, что поэзия возникла раньше прозы и является ранним детищем искусства слова [1, с.338], данная мысль получает свое новое подтверждение. Ритмико-синтаксические параллелизмы «...рождают созвучие — рифму» [4, с. 26].

В ритмико-синтаксических параллелизмах наблюдается два аспекта: первый из них — слово, звуковой повтор, то есть аллитерация, а второй, сопоставляя два соответствующих друг другу понятия в качестве параллельных образов, отображает действительность. Данные свойства в песнях, пословицах и загадках проявляются наиболее наглядно. Поскольку, первобытный человек, высказывая отношение к реальной действительности, в целях точного определения своей мысли во многом опирался на такие приёмы, как сопоставление, противопоставление и чаще всего обращался к образным параллелизмам. Что же касается аллитерации, то созвучность, основываясь на ритмике, приводит к появлению музыкальности. А тесная взаимосвязь жанра песни с музыкой и танцем известна сама по себе.

Характерно то обстоятельство, что отдельные пословицы весьма трудно отличить от песен и, наоборот, некоторые песни очень близки к пословицам.

Литература:

1. Адабиёт назарияси, II-том. — Т.: Фан, 1979.
2. Гордлевский В. М. Избранные произведения. Т. 2, — М., 1961.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. — Л., 1974.
4. Колесницкая И. М. О некоторых древнейших формах народных песен. //Русский фольклор. Т. XII. — Л., 1974.
5. Саримсоқов Б. Адабий турлар ҳақида мулоҳазалар. // Ўзбек тили ва адабиёти. 1993, № 5–6.
6. Соколова В. К. Изображения действительности в разных фольклорных жанрах. //Русский фольклор. Т. XX. — Л., «Наука», 1981.
7. Фрезер Дж. Золотая ветвь. — М., 1986.
8. Kamilova S. E. Genre Transformation of a Short-Story in the Late XX–Early XXI Centuries in Russian and Uzbek Literature // Journal of Language and Literature Education, 2016, p.188–198

Четырехстрочная форма песни, во многих отношениях соответствуя двойным дублетным формам, составляющим поэтическую основу пословиц и поговорок, проявляет взаимное типологическое родство.

Следует особо отметить и то обстоятельство, что первоначально имели место простейшие типы пословиц и загадок, и лишь позднее они приобрели свойство дублетности. По определению многих исследователей, в их ранних формах основную роль играли параллелизмы.

Свойственный пословицам образный параллелизм послужил своеобразной основой для возникновения ранних образцов лирических песен. Ранние образцы состояли из двух полустуший, позднее к пословицам, представлявшим собой форму бейта, обладающего свойством выражения определенной мысли посредством отношения к природному явлению, постепенно присоединились дополнительные полустушия, что в конечном итоге привело к формированию нового жанра песни.

Еще одним средством, сближающим жанры пословицы, песни и загадки, является вышеупомянутый звуковой повтор — аллитерация. Данное фонетическое средство также представляет собой одну из древнейших форм, имеющую непосредственное отношение к образным параллелизмам.

При взаимном сопоставлении жанров песни и загадки становится очевидным тот факт, что загадки с точки зрения отдельных своих качеств стоят гораздо ближе к песням, чем к пословицам.

Известно, что фольклорные жанры, зародившись на заре человечества, пережили довольно длительный и сложный процесс развития, прежде чем приобрели современный облик. В их основу заложено глубочайшее синкретическое свойство. Жанры, подвергаясь взаимному воздействию в процессе развития, функционировали взаимно обогащая и развивая друг друга. Направленность каждого из жанров на освещение какого-либо важного аспекта жизни объясняет их первоначальную тесную близость друг другу. Об известной близости фольклорных жанров свидетельствует и то обстоятельство, что пословицы послужили в качестве своеобразного трамплина в процессе формирования песен, а загадки явились основой для возникновения отдельных сказок.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Художественный мир новеллистики Бернарда Маламуда

Алимова Наргиза Хамидуллаевна, и.о. доцента

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Ключевые слова: художественный мир, культура, мультикультурализм, идентичность, национальная модель общества, модель мира, метатекст, проблема, тематика, характер

Бернард Маламуд (1914–1986) — яркий представитель восьмидесятых годов прошлого столетия, творчество которого стало неотъемлемой частью мультикультуры не только американского литературного пространства, но и мирового. Американский классик родился в семье иммигрантов из России. Окончил школу имени Эразма в Бруклине и Колумбийский университет. Был членом Американской Академии искусств и наук. В 1940-е годы преподавал в вечерней школе, в 1949 занял должность в университете штата Орегон, в 1961 стал преподавателем Беннингтонского колледжа (шт. Вермонт), где проработал более 20 лет. Маламуд одним из первых стал писать о своих соотечественниках, американцах первого поколения, он дважды был награжден Национальной премией по литературе: за «Волшебный бочонок» в 1959 году и за роман «Мастеровой» в 1967 году.

Мультикультура — универсализация национальных культур, равноценное сосуществование национального и мирового в рамках единого пространства. «Мультикультурализм, идущий рука об руку с мифами разнообразия и различия, является многосторонней проблемой, которая имеет выходы в социально-политические, культурные, образовательные эпистемологические сферы жизни социума» [3, с. 92].

Мультикультурализм — одно из проявлений актуализации культурных взаимодействий, характеризующих важнейший сдвиг в мировой культуре постсовременности. Исследователи феномена мультикультурализма представляют современную модель мира, так Н. А. Высоцкая считает, что «какой бы системы координат ни придерживаться, невозможно отрицать роль межплеменных — межэтнических — межнациональных контактов в становлении того, что мы называем культурой, на всех этапах развития человечества. Письменная литература играет тут особую роль ввиду ее способности к относительно простому »переселению« из одного культурного контекста в другой» [1, с.310].

Исследователь М. В. Тлостанова считает: «Мультикультурализм и связанная с ним модель общества разнообразия, а именно так предпочитает представлять

себя Северная Америка сегодня, кардинально изменили лицо страны и оказали сильнейшее влияние, как на современную литературу США, так и на меняющиеся представления о национальном каноне и традиции, ... освобождая и давая голос, мультикультурализм все равно требует взамен от интеллектуала, которому дается билет в свободное общество, соответствия определенным правилам, как и во времена »плавильного котла» [5, с.6].

По существу, восьмидесятые годы были десятилетием едва уловимого распространяющегося стресса в американском социуме. В фокусе внимания писателей — одиночество героев, скрывающейся под маской благополучия, где в погоне за успехом и материальной независимостью терпят крах. Некоторые писатели пошли дальше и стали описывать тех, кто сознательно противопоставил себя обществу. Художественная проза Бернарда Маламуда представляет собой яркий и достойный вклад в историю американской литературы, для которого характерны юмор, повышенное внимание к вопросам этики и морали и описание различных этнических общин Старого и Нового Света.

Наследие Маламуда составляют множество романов и рассказов морально-этического и философского аспекта. Маламуд является мастером малого литературного жанра, написавшим множество рассказов, ему удалось лучше других родившихся в Америке писателей передать прошлую и настоящую жизнь, придавая ей реальные и сюрреалистические черты и соединяя факты с вымыслом.

Прозу Маламуда часто сравнивают с книгами С. Беллоу и Ф. Рота в центре творчества, которых — самосознание и отчуждение американцев. Соединив поэтику реализма и мифа, Маламуд изображал жизнь лавочников, портных, дворников, уборщиц и прочих униженных, которые придавлены бедностью и собственными слабостями, но сохранившие мужество перед лицом невзгод, а изредка и побеждают судьбу благодаря терпению и спасительной иронии. В художественной вселенной Маламуда быть «маленьким»

значит не просто быть человеком, которого терзают собственные недостатки и преследует внешний мир, но для которого не закрыты пути к спасению — если не себя самого, то хотя бы своих детей.

Творчество Маламуда связано с проблемами, общими для мировой литературы: проблемой *Другого*, ответственности за свои поступки, слова, своих близких (новеллы «Серебряный венец», «Гнев Господень», «Живым надо жить»). В его блистательных рассказах, находившихся под запретом в советское время, органично сочетаются реализм и гротеск, юмор и грусть, лиризм и ирония — все то, что придает его героям, отнюдь не избалованным судьбой, неповторимый колорит и обаяние.

Специфический аспект действительности произведений Маламуда, осмысляемый в системе социокультурной проблематики, устойчивые общественные отношения, условия и образ жизни той или иной части общества, сложившиеся в сфере массового, обыденного сознания мнения, привычки, организация быта, основной признак которой — акцент на устойчивые, сложившиеся, повторяющиеся черты бытия и сознания людей, где определяющим является не динамика, а статика жизни. Второй существенный признак произведений — осмысление свойств и качеств, характерные для очень широкой группы людей, в контексте анализа состояния среды, множества, а не индивидуальная неповторимость отдельной личности.

В художественном мире рассказов Маламуда отчетливо присутствует «психологическое изображение явлений как особый тип образности, основанный на исследовании и показе внутреннего состояния человека» [2]. Его произведения обладают внутренним единством, представляя собой цельный метатекст, поэтому и создаваемые им художественные миры накладываются друг на друга, обнаруживая при этом сходные черты. Творчество писателя откликается на самые трепещущие проблемы современности. Под его пристальным взглядом изменившаяся в контексте нового времени, психология человека в общественном бытие, в отношении его к работе, себе, коренным событиям современности. В силу поднимаемых автором проблем философского и ду-

ховно-нравственного характера требует от читателя гораздо большей степени соучастия и сопереживания, чем просто пассивное восприятие прочитанного.

Новеллистика Маламуда, создаваемый им художественный мир, представляет интерес с точки зрения отражения жизненных ориентиров; а также умения воплощать в прозе осмысленные явления, вещи, изображать время и героя, значимые события и процессы современной действительности. «Мир произведения — это художественно освоенная и преображенная реальность» [6, с. 34]. Художественный мир произведения — это своеобразный синтез самовыражения новеллиста и перевоплощенная им современная картина мира, функционирующая в пределах текстового пространства. Изображенный мир в художественном произведении — подобная реальному миру картина действительности, которую рисует писатель: люди, вещи, природа, поступки, переживания и т.п. «Художественное произведение, будучи системой конкретных образов, создает образ целого мира, *художественный мир*, осознанно воспринимаемый как иной мир, отличный от реального, но представляющий и замещающий либо объективность бытия, либо представления сознания об объективном бытии» [4, с.49]

Художественный мир прозы Маламуда представляет собой единый, цельный мир, организованный по строго определенным законам. Мы прослеживаем бытийные координаты, ценностную шкалу, свойства и особенности с учетом особенностей жанра. Писатель находится в постоянном поиске сюжетов и образов, стремится обнаружить в окружающей действительности типы людей, черты которых затем воссоздает в произведениях. Авторская концепция такова — «начальный» персонаж отличается от «конечного». В каждой новелле наблюдается динамика характеров, которые постепенно меняются, эволюционируют. В прозе Маламуда нет совершенных героев, они не наделены какими-то идеальными чертами; это простые люди, которые находятся в обычных условиях жизни, они взяты из действительности, что позволяет говорить о реализме прозы американского писателя.

Литература:

1. Высоцкая Н. А. От «универсума» к «плюриверсуму»: смена культурной парадигмы в США [Текст] / Н. А. Высоцкая // Американский характер. Очерки культуры США. Традиции в культуре. М., 1998.
2. Камилова С. Э. Проблема личности в современном рассказе (на материале русских и узбекских рассказов) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 11–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-lichnosti-v-sovremenno-rasskaze-na-materiale-russkih-i-uzbekskih-rasskazov> (дата обращения: 24.03.2020).
3. Некрасов с. И., Некрасова Н. А., Платошина В. В. Американский мультикультурализм. М., 2011
4. Рыбальченко Т. Л. Анализ художественного текста. М., 2020
5. Тлостанова, М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века [Текст] / М. В. Тлостанова. М., 2000
6. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Характеристики экономического текста с точки зрения лингвокультурологии

Лядащева Елена Дмитриевна, соискатель
Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

В данной работе рассмотрены характеристики экономического текста с точки зрения лингвокультурологии, а также взаимосвязь языка и культуры.

Ключевые слова: дискурс, лингвокультурология, концепт.

Characteristics of the economic text in terms of cultural linguistics

Lyadachsheva Elena Dmitrievna
Samara branch of Moscow city pedagogical University, the applicant

This paper will discuss the characteristics of the economic text from the point of view of linguoculturology. The relationship of language and culture.

Key words: discourse, cultural linguistics, concept.

С учетом сложившихся в мире экономических отношений, расширением пространства экономического, финансового, делового взаимодействия, не вызывает удивления возросшая актуальность изучения экономических процессов с различных сторон. Лингвистический аспект не является исключением. Однако те или иные явления представляются в разных языках по-разному. Отличительные особенности репрезентации явлений экономического дискурса обусловлены влиянием культуры, что находится в ведении такой отрасли лингвистики, как лингвокультурология, которая, согласно В. А. Масловой, изучает взаимодетерминированность языка и культуры в процессе их функционирования.

Особое значение имеет подбор речевых тактик и стратегий участниками коммуникативного процесса. Крайне важным является выявление лингвокультурных особенностей применяемых в экономическом дискурсе языковых средств, грамматических форм, экономической лексики, терминов и т. д.

Особого внимания заслуживает синтаксическое построение текста экономического дискурса, которое является формой для выражения соответствующего содержания, а также средством правильной подачи информации и достижения цели общения.

Изучение лингвокультурного аспекта взаимодействия в рамках экономического дискурса позволит сформировать более подробное представление о меха-

низмах его организации с учетом национальных особенностей участников коммуникации.

С одной стороны, язык экономического дискурса отличается определенной динамикой с учетом стремительного развития и изменения мировых экономических отношений, появления различных международных институтов, углублением межнациональных контактов. С другой стороны, необходимо учитывать, что экономический дискурс устойчив с точки зрения экономики, как науки. Основываясь на фундаментальных понятиях и положениях в сфере экономики, язык данного дискурса должен отражать современные тенденции развития бизнеса, экономической, финансовой сфер и т. п. Очевидно, что в ряде случаев недопустима вольная трактовка законов и постулатов экономической науки, и это крайне важно учитывать при формировании экономических текстов и придании им эмоциональной окраски.

В нынешнюю эпоху глобализации и расширения границ межкультурного взаимодействия особенно остро стоят вопросы лингвокультурных процессов, происходящих в обществе. Сегодня человеку, возвращающемуся в дипломатических кругах или участвующему в каком-либо виде межкультурного взаимодействия, необходимо быть вдвойне компетентным и владеть определенным арсеналом речевых средств для построения эффективной межкультурной коммуникации [2, с. 13].

Ученые смотрят на проблему соотношения языка и культуры с различных сторон, исследования в основном нацелены на совершенствование понимания, на выявление средств повышения уровня качества межкультурного взаимодействия.

Взаимосвязь языка и культуры подробно рассматривалась в работах одного из основоположников теоретической лингвистики В. фон Гумбольдта, который утверждал, что «изучение языков мира — это также всемирная история мыслей и чувств человечества». Фундаментальные положения, выдвинутые В. фон Гумбольдтом, необходимо учитывать при любом лингвокультурном исследовании. Они состоят в том, что, во-первых, язык как непрерывный осмысленный творческий процесс созидания выражает «дух народа», его национальную культуру; во-вторых, язык играет важнейшую роль в познании действительности, в формировании «картины мира», которая создается под влиянием языка как отражения определенного способа представления внеязыковой реальности, мировоззрения его народа. В — третьих, народ — это такой же организм, как человеческий индивид.

Согласно Н.К. Крупской изучение иностранного языка связано с изучением жизни и недавней истории страны, где данный язык господствует. Речь идет об изучении и экономической, и политической, и культурной жизни страны. Она же утверждала, что «...изучение страны данного языка должно стать такой же целью, как и изучение техники языка».

Изучая механизмы отражения культуры в языке, необходимо иметь представление об основных понятиях, применяемых в лингвокультурологических исследованиях, таких, как языковая картина мира, концепт, лингвокультурный концепт.

Лингвокультуру можно представить как совокупность языковых единиц, средств и структур, отражающих особенности культуры конкретной языковой общности (например, русская, английская лингвокультура).

Понятие картины мира важно для современных лингвистических и культурологических исследований и требует конкретного определения. Под картиной мира в самом общем виде понимается упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании.

Культурные смыслы и образы, отраженные в языке, можно назвать своеобразным словарем лингвокультуры, совокупность единиц которого и будет свидетель-

ствовать о наличии лингвокультурных особенностей языковых средств и речевых приемов.

Современной науке известно, что мышление народа не опосредуется его языком. Оно выражается, фиксируется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного исторического периода, позволяет косвенно судить о том, каково было мышление народа, реконструировать в какой-то степени в основных чертах его когнитивную картину мира в этот период.

Оценивать когнитивную картину мира народа через призму языковой картины можно лишь в ограниченном масштабе, учитывая, что в языке используется только то, что имело или имеет сейчас для народа коммуникативную значимость. Иными словами, об определенных вехах и направлениях развития общества, культуры можно узнать из наиболее часто употребляемых концептов. Коммуникативная значимость языковой единицы связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа [4, с. 83].

Экономический дискурс может выступать как в форме текста, так и в устной форме. Тексты выступлений в рамках переговоров, как правило, отрабатываются заранее и содержат статистическую информацию, различные ссылки, сводки и т.д. Чаще для внесения риторического эффекта в подобных текстах используются элементы диалогического общения, вопросы, обращения к аудитории.

В таких случаях можно говорить о выделении некоторых лингвокультурных особенностей, так как используемые метафоры, образные выражения, идиомы, стилистические приемы зачастую обусловлены привычными языковыми средствами для того или иного культурного социума.

Язык и культура взаимосвязаны и взаимозависимы. В языковых особенностях зачастую можно проследить характерные особенности той или иной культуры. Понятие культуры обширно, существует большое количество подходов к ее изучению. В качестве оснований для исследования специфики определенной культуры можно использовать особенности восприятия информации, отношения между членами общества, ценностные ориентиры. Такие признаки нашли отражение в типологиях культуры, созданных Э. Холлом и Г. Хофстеде. Критерии, предложенные в данных типологиях, универсальны, применимы для рассмотрения культурной специфики, в том числе, и на базе материала текстов экономического дискурса.

Литература:

1. Акишина А. А. Структура целого текста. — М.: Просвещение, 2007
2. Звегинцев В. В. Теоретическая лингвистика. — М.: Просвещение, 2011
3. Леонтьев А. А. Порождение речи. — Волгоград: Перемена, 2008
4. Слюсарева Н. А. Лингвистика речи лингвистика текста. — М.: Просвещение, 2014

Проблемы филологического исследования в рамках математической лингвистики (на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»)

Махрова Любовь Сергеевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Школа № 179» г. Нижнего Новгорода

В данной статье акцентируется внимание на проблеме филологического исследования в рамках математической лингвистики. Также на примере художественного текста поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» представлен анализ практического применения некоторых математических методов при изучении семантики и структуры сравнений.
Ключевые слова: лингвистика, математические методы, математическая статистика, язык, филология, исследование, художественный текст.

This article focuses on the problem of philological research in the framework of mathematical linguistics. Also on the example of a literary text of the poem Gogol's «Dead Souls» presents an analysis of the practical application of certain mathematical methods in the study of semantics and structure of comparisons.

Key words: linguistics, mathematical methods, mathematical statistics, language, philology, research, literary text.

Введение. Интеграционные процессы все больше входят свое отражение в современной филологии. И ключевое место в филологических исследованиях последних лет занимает понятие «язык» (интерпретация в самом широком, филологическом смысле) — естественный человеческий язык в его тесных взаимосвязях с другими системами знаков: паразыком, искусственными языками, системами вторичного моделирования, математической структурой и т.д. В этих взаимодействиях естественный человеческий язык является средством выражения в семиотической форме как такового существования и развития людей и общества в целом. Термины «язык культуры», «язык текста», «язык рекламы», «язык архитектуры», «язык танца», «язык тела» и т.д. — всё чаще встречаются в современных текстах художественных произведений и различных периодических изданий, широко вошли в разговорную речь современного человека. Активное употребление данных терминов опосредовано современными лингвистическими реалиями нашего времени. В связи с этим уместно обратиться к рассуждениям В. А. Звегинцева о невозможности лингвистики развиваться в узких границах: «Исследования должны распространяться на весь фронт явлений, в которых принимает участие язык» [5]. Значимость языка для познания человека в конце XX в. подчеркнул Н. Хомский: «Есть несколько причин, по которым язык есть и будет особо важен для изучения природы человека. Одна — та, что язык является подлинным свойством человека как вида, присущим в своих основных чертах только человеческим существам... Далее, язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях. Наконец, язык сравнительно доступен для изучения» [4]. В действительности филология — феномен комплексного и многогранного характера, который не поддается узконаправленному исследованию. Согласно современному определению, «Филология — совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве» [7]. Исходя из данного опре-

деления, современные филологические исследования не могут быть абсолютно реализованы изолированно от смежных с филологией дисциплин, отраслей и наук, в т.ч. и математической лингвистики. В свете этого вопрос о разнообразии современных методов и целесообразности применения математических методов филологических исследований представляется наиболее актуальным.

Обзор темы. В современных филологических исследованиях особое внимание уделяется количественным математическим методам, т.к. формализация количественных явлений благоприятствует качественным характеристикам. Причиной этому стало возникновение и интенсивное развитие ряда технических наук. Они ориентируют, в первую очередь, на обращение к различным математическим методам, которые наиболее эффективны при разрешении новых проблемных аспектов, возникающих в современной филологии. В связи с этим, общим препятствием на пути эффективного применения математических методов во всех областях филологии является языковая проблема. Дело обстоит в том, что использование математических данных для истолкования языковых явлений, а соответственно и оперирование филологическими знаниями при проектировании сложных математических систем требуют единого терминологического языка для их описания. Отсутствие единого языка как системы взаимодействия между дисциплинами может привести к негативным результатам исследований. Однако взаимосвязь наличествует и для обоснования возможности и целесообразности применения математических методов в филологических исследованиях, необходимо обратиться к предмету и объекту исследования [1].

Так, основа применения в филологическом знании математических методов заключается в том, что область исследований (объект и предмет) может быть не только описана, но и измерена. Способность измерять конкретное филологическое явление (его характеристики, особенности, признаки и т.д.) обеспечивает до-

ступ к использованию методов количественного анализа и, следовательно, соответствующих математических операций [2, с. 19]. Объектом в рамках данного исследования был выбран — язык художественного текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», а предмет исследования — семантика и структура сравнений в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Для детального филологического исследования в работе необходимо рассмотреть также количественное представление предмета исследования. Т. е. исследуя и анализируя семантику и структуру сравнений в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» мы обращаемся к количественному их выражению. Например, при анализе художественного произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» на предмет наличия в художественном тексте полных сравнений, приходим к выводу, что их больше 150. Осуществлялся подсчет различных сравнительных конструкций в художественном тексте произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души», например сравнительные обороты с союзами их выявлено 95; фразеологизмов выявлено около 30. Кроме союзов, которые являются сигнализаторами сравнения, в тексте произведения встречаются слова: похож, подобен, подобно, казалось, точь-в-точь, выполняющие роль скреп (связок, предлогов, союзов) при сохранении лексического значения уподобления. Таких конструкций в художественном тексте произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» выявлено 7. Также в художественном тексте поэмы встречаются придаточные сравнительные конструкции в сложноподчиненных предложениях. Таких конструкций в тексте насчитывается более 40-а. Срав-

нение может строиться на сопоставлении явлений по ряду признаков, что представляет собой развернутое сравнение. В этом случае образ представляет собой подробно нарисованную картину, читатель может себе представить все мельчайшие детали. Таких сравнений всего 30. Кроме того, Н.В. Гоголь использует творительные сравнения (имена существительные в форме именительного падежа со значением сравнения) — их в тексте 10; и выражения со словом «похож» — их в тексте 7 и т.д. Также в данном исследовании подразумевается изучение сравнений с точки зрения применения математических методов — способов измерения, т.е. последовательных математических операций, благодаря которым измеряемый филологический объект сравнивается с конкретным стандартом и получает числовое выражение, применяемое в определенной количественной или качественной шкале.

Другой естественный способ проникновения математических методов в филологические исследования — математическая статистика. Закономерное применение математической статистики в филологических исследованиях способствует тому, чтобы:

- правильно и обоснованно продемонстрировать используемые приемы и методы;
- четко аргументировать экспериментальные планы;
- систематизировать полученные экспериментальные данные;
- найти важную связь между экспериментальными и теоретическими данными;

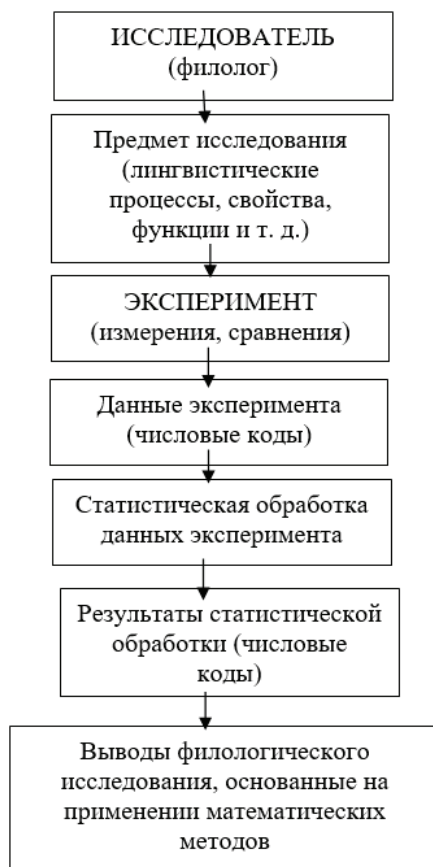

Рис. 1. Схема научно-исследовательской работы филолога с применением математических методов

- определить наличие фундаментальных различий между группами субъектов исследования (например, тестовые и контрольные группы);
- осуществлять статистические прогнозы;
- уклоняться от логических и философских ошибок и др. [3]

Особенно важным представляется то, что математическая статистика — это набор инструментов, который помогает филологу эффективно понимать сложный эксперимент, четкое изложение проблем при планировании экспериментальной базы и построении последовательных и непротиворечивых лингвистических гипотез [6, с. 49]. Таким образом, на примере нашего филологического исследования с применением математической статистики может быть составлена схема (рис. 1).

Заключение. На основании вышеизложенного, представляется целесообразным применение математических методов к филологическим исследованиям, а именно к изучению и анализу особенностей се-

мантики и структуры сравнений в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». На примерах художественного текста произведения можно увидеть эффективность математических методов для формирования филологического умозаключения с целью достижения максимального лингвистического эффекта. Наша исследовательская работа показала тесную взаимосвязь математики и филологии. В работе имеют место такие математические методы как: логико-математический, измерительный, множественный, статистический и др. Подтверждена гипотеза исследования, состоящая в предположении, что обработка результатов филологических исследований при помощи математических методов позволяет определить эффективность той или иной реализуемой методики. Положительные результаты данного исследования оказывают благотворное влияние на формирование положительной мотивации студентов специальности «педагогика», как при изучении математических дисциплин, так и лингвистики.

Литература:

1. Жеребило Т.В. Методы исследования в филологии: Словарь-справочник / Т.В. Жеребило.— Назрань: ООО «Пилигрим», 2013.— 197 с.
2. Кайсарова Д. В., Коцюба И. Ю. Математическая лингвистика. Практикум / Д. В. Кайсарова, И. Ю. Коцюба.— Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2018.— 67 с.
3. Киселева О.М. Особенности использования математических методов для решения педагогических проблем // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/6658> (дата обращения: 29.04.2020).
4. Киселева Н. А. Методика обучения решению лингвистических задач студентов филологического факультета на основе информационного моделирования: диссертация... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Киселева Н. А.; [Место защиты: Орлов. гос. ун-т].— Орел, 2010.— 281 с.
5. Применение в лингвистике логико-математических методов [Электронный ресурс]. URL: <https://scicenter.online/obschaya-lingvistika-scicenter/primenenie-lingvistike-logiko-matematicheskikh-162128.html> (дата обращения: 21.04.2020).
6. Тимофеева М.К. Математические методы в филологии: Учебно-методический комплекс / М.К. Тимофеева.— Новосибирский государственный университет.— Новосибирск, 2011.— 79 с.
7. Штайн К.Э. История филологии: учебник для бакалавриата и магистратуры / К.Э. Штайн, Д.И. Петренко.— М.: Издательство Юрайт, 2019.— 270 с.

Использование заимствований из французского языка в искусствоведческом дискурсе английского языка

Сергеева Екатерина Константиновна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В данной статье представлены примеры использования слов французского языка в английском языке. Анализируются причины подобного явления. Дано описание дискурса. Исследуется искусствоведческий контекст английского языка. Дан анализ появления французских терминов в данном дискурсе.

Ключевые слова: лингвистика, дискурс, английский язык, французский язык, заимствование.

Понятие «дискурс» включает в себя предложения или некоторые фрагменты, которые концентрируются вокруг основной темы, составляющей опорный концепт [1, с. 63]. Существует 4 подхода к пониманию дискурса. Среди них: коммуникативный, структурно-син-

таксический, структурно-стилистический, а также социально-прогматический. Все данные подходы отличаются друг от друга по определению текста: текст как вербальное общение, как фрагмент текста, как нетекстовая организация и как текст, погружённый в ситу-

ацию общения и в жизнь, соответственно. Данная классификация является вспомогательной для того, чтобы оценить тройственность дискурса [4, с. 31].

Понятие «искусствоведческого дискурса» всецело связано с областью, которую данный дискурс описывает — искусство. Искусствоведческий дискурс — база высказываний об искусстве, которые обличаются в речь в рамках искусствоведческих наук в различных текстах и коммуникативных ситуациях. Источником в данном случае выступает художник, а реципиентом — зритель или слушатель [3, с. 160].

Изучение искусствоведческого дискурса требует особого подхода. Принимая во внимание тот факт, что искусство обобщает в себе несколько пространств, таких как вербальное, визуальное и другие, стоит обратить внимание на интегральный подход в понимании дискурса. Кроме того, основную вербализацию и визуализацию искусства осуществляет искусствовед. Таким образом, стоит отметить, что искусствовед выступает связующим звеном между источником и реципиентом искусства [2, с. 17].

Развитие французского искусства всегда опережало другие страны. С развитием литературы и художественных изящных искусств, французский язык стал пользоваться огромной популярностью за границей. Таким образом, во многих странах он считался языком аристократии. Начало Великой Французской революции (1789–1799) породило огромное число беженцев, которые нашли своё новый дом за границей.

Культурная жизнь Франции пользовалась огромным уважением среди развитых стран с начала XVIII века. Соответственно, многочисленные заимствования в английском языке связаны именно с популярностью культуры Франции далеко за пределами страны.

Тема «искусство» не является единственной лексической темой английского языка, в которой существует огромное количество заимствований из французского языка. Следующие сферы употребления также вобрали в себя достаточное количество слов, являющихся заимствованиями: наука, политика, управление, религия, армия и другие. Однако цель данной статьи — изучить искусствоведческий дискурс английского языка. Именно поэтому мы подробно остановимся на заимствованиях из французского языка, относящихся именно к данной сфере употребления.

Литература:

1. Вьюркова Е. В. Понятие дискурса в лингвистике: формальный и функциональный подходы. — Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2016.
2. Миньяр-Белоручева А. П. Поликодовость искусствоведческого дискурса. — Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2017.
3. Олянич А. В. Искусствоведческий дискурс. — Дискурс-Пи. — 2015.
4. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике. — Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2009.
5. Этимологический словарь английского языка [Электронный ресурс] — Режим доступа к словарию: [//www.etymonline.com/](http://www.etymonline.com/)

Слово «art» является одним из самых востребованных заимствований из французского языка. Появление данного слова в английском языке датировано XIV веком. Первое значение данного слова — «произведение искусства, умение и навык». Позднее данное слово приобрело новое значение, а именно: «мастерство» [5].

«Imagination» берёт свое начало также в XIV веке. Своё современное значение слово получило тогда же и не менялось в течение веков [5].

Французское слово «genre» прочно вошло в английский язык в конце XVIII века. В современной лингвистике данное слово нельзя считать заимствованием, так как одним из критериев данного процесса является грамматическая и фонетическая адаптация. Однако, несмотря на это, французское слово «genre» достаточно часто используется в языке, вытесняя такие слова как «manner» и «style» [5].

«Painter» пришло в английский язык в XIV веке. Сове значение «человек, красящий поверхности краской» приобрело именно тогда же [5].

Самым ярким примером, показывающим грамматическую адаптацию слова, является «garment». Данное слово пришло в английский язык в XIV веке. Образовалось же оно как сокращение от французского слова «garnement» [5].

Слова «gouache» и «apparel» также являются заимствованиями. Однако «gouache» получило другое значение — «клеевая краска», в отличие от исконно французского слова со значением, которое в современном языкознании приравнивается к «акварель». В то время как слово «apparel», будучи глаголом во французском языке, вошло в XIV веке в английский язык не только как глагол, но и как существительное [5].

Французский язык значительно повлиял на становление английского языка во многих сферах общества. Однако наибольшее влияние французского языка наблюдается именно в искусствоведческом дискурсе. Существует множество причин, объясняющих данные процессы: значительная популярность культурной жизни Франции, процветание французского искусства, в частности, литературы, художественного мастерства и скульптуры. Стоит также отметить, что норманнские завоевания также отразились на лексике английского языка.

Языковое выражение китайского этикета

Цыденжапова Баирма Нимаевна, студент;

Соктоева Оксана Цыренжаповна, кандидат педагогических наук, доцент

Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Осознанность о степени глубины связи тех или иных переводных эквивалентов играет важную роль в изучении определенных коннотаций, присутствующих в иностранном языке, а также для понимания сути высказывания в их этимологическом значении. Речевой этикет в свою очередь во многом связан с психологией коммуникантов. Система языкового выражения в китайском языке принимается в соответствии с социальными ролями общающихся, так как система отражает традиции, нормы общения и регулирует правила речевого поведения.

Ключевые слова: Китай, китайская нация, национальная психология, китайский этикет, языковое выражение, нравственность, добродетель.

Работы многих выдающихся ученых в направлении социальной и культурной связи языка концентрируются на определении значения, выражается это в идее о том, что слово обладает, прежде всего, номинативной функцией и поэтому в семантике содержится и сохраняется некоторая «экстралингвистическая» информация, которая передает особенности культуры, отражающиеся в языке. Итак, можно сказать, что именно посредством семантики определяется обусловленность лексических единиц с «фоновой информацией».

Н.Г. Комлев стал первым лингвистом в России, который открыл термин культурно-исторического компонента значения в лингвистику. Его главная мысль в том, что: «слово, отражающее предмет или явление действительности определенного социума не только означает его, но и создает при этом некоторый фон, ассоциирующийся с этим словом. Поэтому в семантике слова должен содержаться некоторый компонент, фиксирующий именно данный социальный фон, в котором слово существует» [2].

Например, в китайском языке культурная и историческая информация заключена во внешнем выражении языка. Образ иероглифов содержит большое количество «фоновых сведений», это и есть то важное языковое свойство, которое составляет основу коммуникативного акта. Итак, можно сказать, что аккумулятивная функция способствует взаимопониманию в межкультурном общении. Язык закрепляет культурные, исторические данные через лексику и грамматику и несет эту информацию следующим поколениям.

Лексика является ярким примером проявления аккумулятивной функции, потому что только лексика служит проводником к внешним явлениям и предметам. Лексическая система главным образом выражается факторами окружающей действительности и социальными факторами. Чаще всего, лексика выражает национальную психологию, быт и социальную жизнь народа. Появление различного рода лексических единиц обуславливается определенной потребностью.

Фразеологический уровень наиболее ярко отражает историко-культурологические особенности языка. Бесчисленное количество афоризмов пословиц, поговорок, идиом могут познакомить нас с национальными чертами, образом жизни, обычаями, традициями, которые давно устарели.

Итак, можно сделать вывод о том, что некоторые языковые единицы совершенно точно попадают под влияние социальных и культурных факторов, в некоторых же это видно менее отчетливо. В этой связи центром фразеологических единиц являются национальная и культурная специфика, а имена собственные носят дополнительный ассоциативный характер.

Лишь экстралингвистическая обусловленность дает полное представление о языке и культуре изучаемого языка. Поэтому, через культурные, психологические и религиозные особенности народа, его национальный менталитет, традиции и обычаи глубоко познаются такие лингвистические категории как лексика, грамматика, фонетика и др.

Ошибочное восприятие эмоций и намерений между участниками межкультурного общения довольно распространённое явление. Правильное понимание и восприятие собеседника обеспечивает не только знание языка, но и вербальные и невербальные особенности поведения народа, его социальную и культурную специфику.

Согласно многим научным трудам, китайцы предрасположены в большей степени к абстрактному мышлению. Более того, утверждается, что зрительное восприятие у китайцев наиболее развито, а также то, что анализ мыслей в китайском мышлении зависит от определенных фактов и примеров. Все это ведет к тому, что их меньше всего интересуют общие понятия. Китайское мышление отличается необычайной логичностью, что отражается и в языке.

Подтверждением к вышесказанным словам может быть глагол «нести»: 拿来(去) nálai (qu) (захватывать с собой); 带来(去) dàilai(qu); (в руках, на весу) 提 tí; 背 bēi (на спине); 扛 káng (на плече); 抱 bào (на руках); 抬 tái (вместе с кем-либо); 担 dān (на коромысле). Данный глагол в китайском языке конкретизируется и выбор того или иного глагола может значительно повлиять на смысл целого предложения, поэтому необходимо быть внимательным к тому, какой именно глагол использовать. Или же, наоборот, в китайском языке отсутствуют некоторые абстрактные глаголы, такие как, к примеру, 吱吱响 (zhīzhī xiǎng) «скрипеть», 咯咬咯咬响 (gēyǎogēyǎoxiǎng) «хрустеть», 沙沙地响 (shāshāde xiǎng) «шелестеть», поэтому подобные глаголы передаются с помощью зву-

коподражания. И все же, нельзя категорично отрицать наличие универсалий в китайском языке.

К примеру, если мы возьмем слово «реки», то иероглиф 河 (hé) будет основной морфемой, к которой будут прикреплены определенные дополнения. Иначе говоря, конкретизирующая информация первого иероглифа содержится во втором, поясняющем иероглифе. В китайском языке отсутствуют и такие грамматические категории как род и вид, поэтому при изучении русского языка китайцы сталкиваются с трудностями непонимания отличий между этими категориями.

Китайский ученый Сян Туйцзе считал, что «в китайской культуре изначально не очень обращалось внимание на объективную истину, как таковую, а преследовались идеи конкретного способа «самосовершенствования, управления государством и умиротворения Поднебесной», придавалось значение собственному совершенству, т.е. совершенству этики, морали искусства. На европейца китайская философия, как и поэзия, производят впечатления отрывочности, бессвязности. А на китайца действует каждый иероглиф, как огненная стрела, все они в стихотворных строках вместе и по отдельности создают цельный образ. Другими словами, продукты китайской культуры оказывают прямое воздействие на душу китайца, почти на уровне чувственности, на уровне чувственного познания» [3].

В вопросах китайского этикета целесообразно в первую очередь коснуться вопроса национальной этики. Этика как философская наука, формирующая моральные принципы и нормы поведения, играет ключевую роль в китайском менталитете.

Говоря о китайской этике, нельзя обойти такое понятие, как 美德 (měidé) «высокая добродетель» (нравственность). В Китае даже вышла книга, в которой в качестве примера приведены 800 изречений и афоризмов на тему «высокой добродетели» 美德 (měidé) [4].

Например, такие афоризмы как 知人者智, 知己者明 (zhīrénzhězhì, zhījǐzhěmíng) — знающий других людей всего-навсего умен, знающий себя — истинно мудр (прозорлив); 己所不欲, 勿施于人 (jǐsuǒbùyù, wùshīyú rén) не делай другим того, чего себе не желаешь; чего себе не хочешь, того другим не делай; 轻诺寡信 (qīngnuòguǎxìn) лёгкими обещаниями подрывать доверие; 知耻近乎勇 (zhīchǐjìn hūyǒng) осознание того, что является постыдным, сродни мужеству, дают четкое представление о китайской национальной этике.

Вэй Чжэнтун в статье «Анализ идеального характера в традиционном Китае» выражает суть понятия 中庸 (zhōngyōng) «золотая середина» как «поведение, при котором следует придерживаться осторожности и осмотрительности. 中庸 (zhōngyōng) — это критерий, по которому можно отличить благородного мужа от простолюдина (君子和小人 jūnzǐ hé xiǎorén). 中庸 (zhōngyōng) существует сам по себе, он ни на что не опирается, это живой, необходимый человеку труднодостижимый идеал» [1].

Традиционные моральные ценности включают в себя преданность (见利思义 (jiànlishìyì) — не прене-

брегать своим долгом ради выгоды; 临忠不忘国, 忠也 (línzhōngbùwàngguó, zhōngyè) — не забывать о государстве в бедственный момент называется преданностью), верности (疾风知劲草 jífēngzhìjīngcǎo) — при сильном ветре (познаётся) стойкая трава, обр. испытание бедой — лучшая проверка, справедливость (其身正, 不令而行 qíshēnzhèng, bùlìngérxíng) — если правитель справедлив, то ему будут подчиняться и без принуждения; 少壮不努力, 老大徒伤悲 (shǎozhuàngbùnǔlì, lǎodàtúshāngbēi) — не будешь учиться смолоду, пожалеешь в старости; тот, кто в молодости неприлежен, будет каяться в старости) и т.д. Итак, можно сказать, что все рассмотренные выше качества направлены на объединение нации — общая выгода превыше всего.

В ходе истории моральные ценности, хотя и с некоторыми изменениями, по-прежнему не утрачивают своего значения. Китайские ученые установили десять важных качеств высокой нравственности и добродетели как образец для подражания:

1. 仁爱孝悌 (rén'ài xiàotì) — гуманность, человеколюбие, почитание родителей и уважение младшим братом старшего.

Это наиболее характерная черта традиционной добродетели китайской нации. Суть «仁» (rén) — любить и уважать людей, заботиться о людях и сочувствовать людям. Сущность «仁» (rén) состоит из трех главных концепций 孝悌 (xiàotì) — преданность родителям и старшим братьям, 父慈子孝 (fùcízǐxiào) — у любящих родителей почтительные дети, 兄弟恭 (xiōngyǒudìgōng) — старший брат должен быть добрым, а младший — почтительным, формирующие прочные и гармоничные семейные отношения, что также играет важную роль в китайском обществе. Когда 孝悌 (xiàotì) распространяется в общество, возникает так называемая доктрина преданности и великодушия (忠恕之道 zhōngshùzhīdào). Основными постулатами которых являются: 己立立人, 己达达人 (jǐlìlìrén, jǐdádá rén) — следующий гуманности станет тем, кем хотел, добьется того, к чему стремился, 己所不欲, 勿施于人 (jǐsuǒbùyù, wùshīyú rén) — не делай другим того, чего себе не желаешь; чего себе не хочешь, того другим не делай. Отсюда и пошли изречения китайских философов: 四海之内皆兄弟 (sìhǎizhīnèi jiē xiōngdì) — между четырьмя морями все люди — братья и 老吾老以及人之老, 幼吾幼以及人之幼 (lǎowǔlǎoyǐjírénzhīlǎo, yòuwǔyòuyǐjírénzhīyòu) — уважать своих стариков, а также стариков других людей, относиться ласково к своим детям и детям других людей.

2. 谦和好礼 (qiānhéhǎolǐ) — приветливость и церемонность

«礼教» (lǐjiào) как символ нравственного воспитания и культуры, этикета, вежливости, церемониала выражает традиционные добродетели китайцев. Посредством «礼» (lǐ), ограничивающее поведение людей и взращивающее личность благородного человека, постепенно формируется традиционная добродетель китайской нации, которая заключается в вежливости и соблюдении этикета. «谦» (qiān) есть скромность и уступчивость, которая выражается в межличностных

отношениях перед лицом чести, интересов и взаимного уважения, в то время как «和» (hé) — это согласие, мир, гармония, проявляющаяся в межличностных отношениях. Следовательно, «中和» (zhōnghé) — «золотая середина», «гармония» стала высшим моральным качеством, к которому стремятся люди, а «和» (hé) считается важнейшим качеством благородного человека.

3. 诚信之报 (chéngxìnzhībào) — искренность и воздаяние за оказанную милость

Традиционные моральные качества в Китае включают в себя веру в добро, китайцы придают большое значение «诚» (qián) и «信» (xìn) «искренности» и «веры» в своих моральных представлениях. Основное значение слова «诚» (qián) — быть искренним с самим собой и со своей природой. «诚者天之道也, 思诚者人之道也» (chéngzhětiānzhīdào yě, sīchéngzhěrénzhīdào yě) «Искренность — это путь Неба, а размышления об искренности — это путь людей». Основываясь на «诚» (qián), китайцы сформировали много добродетелей, связанных с честью, искренностью по отношению к другим, верности делу и стремлению к внутренней искренности. Конфуций сказал: «человек без веры не знает своих возможностей», основной смысл «信» (xìn) «веры» состоит в том, что слова должны быть верны, а поступки — результативны (言必信, 行必果 yánbìxìn, xíngbìguǒ). «报» (bào) является важной частью морального сознания китайского народа. Это еще одно традиционная добродетель китайской нации. «滴水之恩, 当涌泉相报» (dīshuǐzhī sī, dāngyǒngquánxiāngbào) — За оказанную малую милость надо воздавать многократно.

4. 精忠爱国 (jīngzhōng àiguó) — верность и патриотизм

За время долгого существования и развития нации, китайцы постепенно укрепили и углубили свои патриотические чувства по отношению к Родине. В китайской этике патриотизм всегда считался «основой» государства: 临忠不忘国, 忠也 (línzhōngbùwàngguó, zhōngyě) — не забывать о государстве в бедственный момент называется верностью (преданностью). Морально-ценностная сторона оказала долгосрочное влияние на историю Китая и сыграла важную роль в формировании китайской нации.

5. 克己奉公 (kèjǐfèngōng) — преодоление собственных желаний во имя общества

Китайские традиции культивировали коллективный дух из-за семейной социальной структуры и традиционных ритуалов. Государственные интересы ставятся превыше всего, являются отражением важности коллективных ценностей. Все те, кто продает Родину ради личной славы (卖国求荣 mài guó qiú róng), навсегда возлагаются на позорную книгу истории. Семейный коллективизм — это еще одно проявление традиционной этики, которая ценит коллективные ценности. В патриархальной системе семья является гарантией реализации личных ценностей, поэтому интересы личности могут быть реализованы только путем защиты интересов семьи. Но китайская этика не совсем против частных интересов, ключ в том, чтобы понять, является ли она этичной.

6. 修己慎独 (xiūjǐshèndú) — совершенствовать себя и быть критичным

Традиционная китайская этика подчеркивает доброту, изначально заложенную в человеческой природе. Конфуций считает, что самосовершенствование является основополагающим. Большое внимание уделяется такому виду самосовершенствования, который акцентирует внимание на самодисциплине и независимости для сохранения человеческих отношений и общего порядка, основополагающим принципом является «求诸己» (qiúzhūjǐ) «искать вину в себе», то есть винить и быть строгим к себе, и относиться снисходительно к другим, то есть требовать многого от себя и малого от других «躬自厚而薄责于人» (gōngzìhòuérbáo zéyú rén). Традиция самосовершенствования для сохранения морального облика культивирует нравственное сознание и инициативность китайской нации, чтобы воспитать людей с благородными качествами.

7. 见利思义 (jiànlisīyì) — при выгоде думать о справедливости

Связь между справедливостью и прибылью 义利 (yìlì) воплощает ценностную ориентацию китайской этики. Справедливость 义 (yì) относится к этическим нормам, отражающим общественные интересы общества, в то время как выгода 利 (lì) обычно относится к личным интересам и достижениям. Конфуций утверждал, что люди должны стремиться к справедливости, вносить большой вклад в общество, а также учитывать общественные и ограничивать личные интересы: «不义而富且贵, 於我如浮云» (bùyìér fùqiěguì, yúwǒ rúfúyún) «Богатство и знатность, полученные нечестно, для меня подобны облакам, плывущим по небу»; «君子喻于义, 小人喻于利» (jūnzǐ yùyúyì, xiǎorényùyú lì) «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду. Основная мысль традиционной системы ценностей заключается в том, что справедливость — на первом месте, а выгода — на втором. В этической практике представление о справедливости и выгоде сублимировалось в благородное моральное состояние китайской нации: 杀身成仁 (shāshēnchéng rén) жертвовать собой во имя великого дела; 舍生取义 (shěshēngqǔyì) жертвовать жизнью во имя долга.

8. 勤俭廉正 (qínjiǎnliánzhèng) — трудолюбие и бережливость, бескорыстие

Китайский народ всегда был известен своим трудолюбием и бережливостью, бескорыстием, это выражается и в языке: 粒粒皆辛苦 (lìlìjiēxīnkǔ) — собрать по крупицам что-либо, кропотливо трудиться.

Конфуций выдвинул пять конфуцианских добродетелей: умеренность, доброта, корректность, воздержанность и скромность («温良恭俭让» wēnliáng gōngjiǎnràng) в качестве важного морального требования, подчеркивая усердие и бережливость китайцев. Лао-Цзы считал, что в жизни существует «три сокровища»: любовь 慈爱 (cí'ài), трудолюбие и бережливость 勤俭 (qínjiǎn), скромность 谦让 (qiānràng). По мнению Мо-Цзы, если четыре устоя государства не распространяются — государство идет к гибели (四维不张, 国乃灭亡 sìwéibùzhāng, guónǎimièwáng). «Этикет, чувство долга,

бескорыстие и чувство стыда — таковы четыре устоя государства» (礼义廉耻, 国之四维 lǐyìliánchǐ, guózhīsìwéi). Эти мысли о добросовестности и усердии стали общей ценностной ориентацией китайской нации в долгом историческом развитии и сформировали общую этику китайцев. Причина, по которой китайская нация может продолжать развиваться в различных сложных условиях, неотделима от обладания этими добродетелями.

9. 笃实宽厚 (dǔshíkuānhòu) — искренность, надежность, щедрость

Сельское хозяйство является жизненно важной отраслью в Китае, который сыграл важную роль в формировании простого и неприхотливого характера китайцев. Исходя из этого, традиционная китайская этика сформировала множество норм и добродетелей, которые принимают «искренность» («实» shí) в качестве стандарта ценностей, таких как честность (老实lǎoshí), стремление к реальности (求实qiúshí), искренность (诚实chéngshí), преданность (忠实zhōngshí), постоянность (踏实tāshí), сформировав тем самым дух трудолюбия. Общаясь с людьми, китайская нация всегда относилась к щедрости как к добродетели, проявляя строгость к самодисциплине, относясь к другим щедро, подталкивая себя и других. В отношениях между людьми китайцы используют принцип «ставить себя на место других» («将心比心» jiāngxīnbìxīn) для достижения гармонии. Китайцы проявляют интерес к людям, обладающим высокими моральными качествами, великодушием (宽厚大度kuānhòudàdù), снисходительностью (宽宏大量kuānhóngdàliàng), уважением по отношению к пожилым людям (忠厚长者zhōnghòuzhǎngzhě). Данная добродетель сформировала подлинный и всеобъемлющий характер китайского национального духа, позволяя китайской нации как большой семье жить в гармонии и продолжать непрерывную национальную историю.

Литература:

1. Вэй Чжэнтун. Анализ идеального характера в традиционном Китае — Тайбэй, 1974.
2. Комлев Н. Г. О культурном компоненте лексического значения — Вестник Московского университета. Филология, 1966.
3. Сян Туйцзе. Исследование китайского национального характера — Тайбэй, 1993.
4. 李乾夫, 李鸿昌, 杨更兴, 杨增发. 中国传统文化概论 — 云南大学出版社, 2015.

Изучение слова карамора в этнолингвистическом аспекте

Шальнев Николай Анатольевич, учитель иностранных языков
МАОУ СОШ № 85 (г. Екатеринбург)

Изучение данного слова проводилось автором на базе данных лингвистических словарей и иллюстраций из художественной литературы.

Сначала обратимся непосредственно к лексикографическим данным. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера находим следующее значение слова:

10. 勇毅力行 (yǒngyìlìxíng) — храбрость, воля, энергичность в действиях.

Конфуций рассматривает мудрость 智(zhì), гуманность 仁(rén), мужество 勇(yǒng) как три превосходных качества 三达德(sāndádé). Мэн-Цзы же считал, что для достижения «непроницаемости» в саморазвитии, то есть состояния, в котором моральные убеждения не поколеблены потерей интереса или выгоды, нужно обладать мужеством. Он делит мужество на три типа: физическое мужество 血气之勇(xuèqìzhīyǒng), мужество духа 意气之勇(yìqì zhīyǒng), мужество твердо отстаивать моральные убеждения «大勇» (dàyǒng). Мэн-Цзы особо подчеркнул третий тип мужества. Он считал, что «жертвовать собой во имя великого дела» 杀身成仁(shāshēnchéng rén), «жертвовать жизнью во имя долга» 舍生取义(shěshēngqǔyì) — это и есть «大勇» (dàyǒng). Упорство 毅(yì) заключается в том, чтобы твердо придерживаться соблюдения этических норм. Выдающимся проявлением добродетели упорства является сохранении этической целостности и благородных чувств. Для того, чтобы проявлять гуманность и справедливость необходимо придерживаться принципа «力行近乎仁» (lìxíngjìn hūrén) «энергичные поступки близки к гуманности»; «君子欲讷于言而敏于行» (jūnzǐyù nèyú yán ér mǐnyú xíng) «благородный муж стремится быть медлительным в словах, но эффективным в делах» — эти высказывания подчеркивают влияние «力行» (lìxíng) на моральное совершенствование.

Итак, говоря о языковом выражении китайского этикета важно отметить моральные принципы и нормы поведения китайцев, что четко отражают вышеописанные десять добродетелей. Указанные примеры отражают влияние социальных и культурных факторов, сформировавшихся с течением истории данного народа.

«Карамора. 1) тарабарщина; южн (Даль); 2) длинноногий комар. Темное слово» (Фасмер II, 192). Так как М. Фасмер ссылается на В.И. Даля, то обратимся к его «Толковому словарю живого великорусского языка»: «Карамара, карамора. Тарабарщина, юж., // долговязый и долгоногий, большой комар» (Даль, I, 90).

Уже из двух данных словарей мы узнаем, что слово диалектное, так как на это указывает помета *южн.* в двух указанных выше словарях. Однако если мы обратимся к другим словарям, где встречается это же слово, то увидим несколько иную картину, которая у нас сложилась пока на основании словарей В. И. Даля и М. Фасмера.

Так, в Словаре современного русского литературного языка слову *карамора* дана помета *обл.* (областное), и зафиксировано значение «крупный длинноногий комар» (БАС V, 802). В «Словаре русского языка» мы обнаружим у слова *карамора* помету *прост.* (просторечное) и значение «длинноногий комар» (МАС II, 32).

Если обратиться к диалектным словарям, то там мы найдем следующую информацию: «Словарь русских народных говоров» зафиксировал следующие значения и употребления в речи слова: «1) Карамара. 1. Нечто бессмысленное и непонятное; тарабарщина. *Карамару занес* — начал говорить вздор, бестолковщину. 2. О непонятном языке, особенно цыганском. 2) Карамара и Карамора. Крупный длинноногий комар» (СРНГ XIII, 73).

В «Словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» находим совершенно другое значение: «Карамара. Обращение к толпе, публике» (II, 26). В «Словаре русских говоров Сибири» находим то же значение: «Карамара. Обращение к толпе, публике. Э, ну-ка, карамара, дайте круг, дайте!» (II, 36).

Основываясь на этих лексикографических данных, попытаемся сначала разобраться в этимологии слова *карамора*, заранее подтверждая мнение М. Фасмера о том, что это «темное слово». Возможны две версии объяснения этого слова, первая из которых признается автором статьи сомнительной и противоречивой, вторая же версия более убедительна в силу лингвистических и этнолингвистических факторов, о чем будет сказано далее.

Первая точка зрения состоит в том, что слово тюркского происхождения. Это версия кажется очевидной из-за фонетического облика слова, а именно из-за сингармонизма гласных (а-а-а (о)-а). Но морфемный состав слова не позволяет дать нам четкого ответа для данной гипотезы, так как первая часть слова *кара* действительно является принадлежностью тюркских языков: ср. тюрк. *кага* «черный» (Шан, 188), вторая же часть слова *мо(а)ра* является общеславянской по происхождению: ср. ст.-сл. *мора* «ведьма», сербохорв. *мора* «домовой» и т.д. (Шан, 194). Получается, что слово состоит из двух частей, каждая из которых принадлежит разным языковым группам, что вызывает сомнение по поводу первой точки зрения.

Вторая точка зрения состоит в том, что изначально основой слова был *комар*. Затем к данной основе присоединился собирательный суффикс *-ара-* (ср. слова *детвора*, *мошकारа*). Затем при контаминации основы слова и суффикса произошла метатеза: *комар+ара комарара карамо(а)ра*.

Метатеза произошла в силу фонетической причины, а именно неудобством произносить два рядом стоящих согласных *р*. Для доказательства этой версии был использован собственно лингвистический фактор.

Теперь обратимся к художественной литературе и посмотрим на контексты, в которых представлено это слово, и попытаемся определить в первую очередь **отношение** персонажей произведений к данному слову, а вслед за ним и к той реалии, которую это слово обозначает.

Ниже представлены следующие контексты из русской классической литературы:

1) «Карамора — большой, длинный, вялый комар. Иногда залетает он в комнату и торчит где-нибудь одиночкой на стене» (Н. В. Гоголь. Мёртвые души).

2) «А рядом с нею долговязый сапожный мастер, Яшка Бурдаев, прыгал, высоко вскидывая руки и ноги, кривляясь и корчась, как тот огромный вялый комар, с ломающимися ногами, которого зовут караморой» (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей).

3) «Эх ты, карамара! Ну, я их тебе сейчас раскатаю» (М. Горький. Фома Гордеев).

4) «А старичок мой — он прикидывался, что будто и греков понимает, бормочет — карамара да калимера» (М. Горький. В людях).

5) «Есть такой крупный комар, похожий на паука, в просторечии его зовут — карамора» (М. Горький. Карамора).

6) «Вокруг свечей кружилась зелененькая мошкара, налетали страшные караморы, опалившись — падали навзничь на бумаги, разбросанные по столу, закружились было, задувая свечи» (А. Н. Толстой. Петр Первый).

7) «Петр Алексеевич вытащил из-под стола план города, развернул — тотчас на него посыпалась мошкара и караморы» (А. Н. Толстой. Петр Первый).

8) «Он тяжело дышал. Большая жилистая рука с коротким рукавом, лежавшая среди дохлых карамор, искала что-то...нащупала гусиное перо, сломала» (А. Н. Толстой. Петр Первый).

9) Опершись о палаш, великий князь любознательно расспрашивал авиатора, можно ли простудиться в полете, за какие снасти держался гофмейстер Столыпин, когда именно с Мациевичем летал два дня назад, и вообще какая сила способна поднять на воздух эту железную, с позволения сказать, карамору в несколько пудов весом, не считая груза в виде самих смельчаков» (Л. Леонов. Русский лес).

Как видим, почти во всех контекстах лежит отрицательное отношение к этому слову. У Н. В. Гоголя, М. Горького подчеркивается сема вялости, звуковой надоедливости комара, вследствие этого и само понятие становится отрицательным, негативным. К тому же в повести М. Горького «Карамора» слово употребляется и как прозвище литературного героя, содержащее отрицательный смысл в самом названии. Именно в этой повести мы видим, что слово относится к **просторечию**, то есть оно не является литературным по происхождению, что тоже накладывает негативный (по данным словарей и текстов) отпечаток на его восприятие.

Довольно интересным представляется изучение этого слова в произведениях Д. С. Мережковского, А. Н. Толстого, Л. Леонова. У первых двух писателей мы

видим необычную форму множественного числа слова, обладающего изначально категорией собирательности (как это было выяснено во второй точке зрения). Здесь, в синтезе категории собирательности и категории множественности (*караморы*) заложена усиленная отрицательная семантика изучаемого слова. С точки зрения плана выражения это можно объяснить тем, что форма слова *караморы* была образована по аналогии со словом *комары*. По крайней мере, это версия представляется достоверной в силу сходного плана выражения (*комары-караморы*) и в силу плана содержания, так как у этих слов практически выражена одна реальная ситуация.

Теперь обратимся к контексту, взятого из романа Л. Леонова «Русский лес» и попытаемся связать употребление слова в романе с данными словарей. В романе Л. Леонова мы обнаруживаем метафорическое употребление слова *карамора*. Само тело комара, его форма, его способность летать оказывается метафорически перенесено на авиалайнер (перенос сходства по форме).

В словарях М. Фасмера, В. И. Даля мы можем связать два значения слова. Возможно, что значение «тарабар-

щина» развилось из значения «длинноногий комар» следующим образом: когда комары слетаются вокруг чего-либо или кого-либо и издают однообразный звук, то это воспринимается как непонятность, тарабарщина, однотонность. Это подтверждает контекст из романа «Петр Первый» А. Н. Толстого (см. контекст № 6). Возможно, что в языке и закрепилась такая реальная ситуация, когда комары начинают интенсивно летать, пищать и создавать впечатление множества однообразных мелких насекомых (отсюда и идея собирательности). Возможно, что информация, представленная в Словаре русских говоров Сибири, представляет собой случай метафорического осмысления множества сплоченных людей как множества комаров. См. контекст: «Э, ну-ка, карамара, дайте круг, дайте!» (II, 36).

Таким образом, в ходе изучения этого «темного» слова этимологическим и этнолингвистическим методами нами было выяснено, что слово обладает отрицательной семантикой, обусловленной прежде всего звуковым обликом слова, который оставляет ощущение неприятной, страшной реалии.

Литература:

1. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.— Л., 1948–1965.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. М., 1994.
3. Словарь русского языка: в 4т. М., 1957–1961.
4. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: В 3 т. Томск, 1993.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977.
6. Фасмер, Этимологический словарь русского языка: В 4т. М., 1964–1973.
7. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971.
8. Гоголь Н. В. Мертвые души. М., «Терра», 1994.
9. Мережковский Д. С. Петр и Алексей. М., «Художественная литература», 1993.
10. Горький А. М. Форма Гордеев. М.— Л., «Детгиз», 1950.
11. Горький А. М. В людях. М.— Л., «Детгиз», 1949.
12. Толстой А. Н. Петр Первый. Минск, «Школьная библиотека», 1977.
13. Леонов Л. Русский лес. М., «Молодая гвардия», 1956.

Некоторые аспекты грамматической интерференции в «Спанглише»

Ярцева Светлана Владимировна, преподаватель

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

В данной статье рассматривается вопрос языковой интерференции, в частности, особенности её грамматической составляющей. В качестве примера для понимания видов грамматической интерференции использован разбор грамматических аспектов такого образованного на основе интерференции «смешанного языка», как «спанглиш».

Ключевые слова: языковой контакт, контактная лингвистика, интерференция, грамматическая интерференция, «смешанный язык», «спанглиш».

Certain aspects of grammatical interference in «Spanglish»

Yartseva Svetlana Vladimirovna, lecturer

Uzbekistan State World Languages University

In this article the problem of language interference, in particular, the peculiarities of its grammatical constituent are being investigated. For understanding of the types of the grammatical interference, the analysis of one of the «mixed languages» — «Spanglish», which is based on interference, is taken as an example.

Keywords: language contact, contact linguistics, interference, grammatical interference, mixed language, Spanglish.

Развитие современного языкознания, а также усиливающиеся процессы глобализации и межнационального общения привели к появлению такой отрасли науки, как контактная лингвистика. Активное развитие данной сферы началось ближе к концу XX века и продолжается по сей день. Основным вопросом, поднимаемым контактной лингвистикой, является взаимодействие языков на различных уровнях или языковой контакт. Впервые данный термин был предложен французским языковедом А. Мартине и подразумевал процесс использования индивидом двух лингвистических систем с влиянием одной из них на другую [14, с. 13; 4, р. 17]. В целом, контакт языков наблюдается при попеременном использовании двух и более языков и взаимодействии их фонетических, морфологических и синтаксических структур, а также взаимосвязи людей, пользующихся этими языками на социальном, психологическом и культурном уровне. Результатом являются различной интенсивности и глубины стадии взаимного проникновения языков.

Начальная стадия контактирования характеризуется таким влиянием языков друг на друга, когда при их использовании структуры одного языка неосознанно и неверно употребляются в другом. В последующем, подобное взаимовлияние может существенно изменить структуры контактирующих языков, образуя единую новую систему, содержащую элементы обеих контактирующих сторон в оригинальном либо же изменённом виде. Таким образом, следствием языкового контакта является *языковая интерференция*, а именно отклонения от норм языка в процессе билингвизма как результат знания индивидами нескольких языков [9, с. 22].

В лингвистике термин был впервые применён представителями Пражского лингвистического кружка. Проблема также была рассмотрена русско-польским языковедом И. Бодуэном де Куртене, который видел главным

следствием интерференции не только заимствование языком отдельных единиц другого языка, но также общее сближение самих взаимодействующих языков [10, с. 110]. Как отмечал исследователь, заимствуются не только отдельные аспекты, необходимые для общения, но также ослабевает степень «различаемости» контактирующих языков. Более широко данный вопрос в своих работах исследовал Л. Щерба, который рассматривал саму теорию языковых контактов через призму интерференции, когда при взаимодействии индивидов язык говорящего и язык слушающего взаимно приспособляются друг к другу, вследствие чего изменяются нормы обоих контактирующих языков [13, с. 42–46].

В основном, типы интерференции выделяют согласно изменениям, происходящим как её результат в определённой составляющей языка. Так, *грамматическая интерференция* выражается в отступлении от грамматических норм одного языка под влиянием другого, либо перенесением каких-либо грамматических функций с одного языка на другой. Как утверждает американский лингвист У. Вайнрайх, «грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка C» [9, с. 1972], либо когда билингвизм говорящего настолько развит, что второй язык влияет на грамматические характеристики первого.

До выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» вопрос возможности возникновения грамматической интерференции был спорным. Некоторыми учёными, такими как А. Мейе и Э. Сэпир, утверждалось, что подобное взаимопроникновение языковых систем не представляется возможным. С другой стороны, Г. Шухардт допускал возможность

тесного контакта флексий, а С. Базэлл даже предположил, что «Влиянию, которое может оказывать одна морфологическая система на другую, в принципе, нет пределов» [9, с. 60; 1, р. 303].

В целом, грамматическая интерференция, будучи тесно связана с изменениями на морфологическом и синтаксическом уровне, выражается во взаимовлиянии и проникновении контактирующих языков по обоим этим направлениям. Рассмотрим в качестве примера виды грамматической интерференции в одном из смешанных языков¹, а именно в «спанглише»², основанном на смешении английского и испанского языков. Будучи изначально наиболее распространённым в среде испаноязычных эмигрантов, данный смешанный язык более характерен насаждением особенностей испанского языка на английскую языковую систему, однако, в области грамматики наблюдается интенсивное взаимовлияние языков.

В целом, можно отметить, что грамматическая интерференция в «спанглише» выражается в следующем:

- более свободный порядок слов в предложении либо опущение некоторых членов предложения;
- спряжение и временные формы глаголов, характерные для испанского языка;
- наличие окончания множественного числа у прилагательных, заимствованных из английского языка;
- не всегда корректное употребление предлогов;
- некорректное использование отрицательной формы в предложении.

Так, одним из проявлений грамматической интерференции в «спанглише» является более свободный порядок слов в предложении или опущение некоторых слов, характерных для испанского языка. Тем не менее, в случаях, где порядок слов примерно одинаков в английском и испанском языках, таким же он сохраняется и в «спанглише». Например, это можно наблюдать в следующих предложениях, где первый вариант — на английском языке, второй — на испанском, а третий — на «спанглише»:

“I | told him | that | he | should bring it | fast
(Yo) | (le) dije | que | (él) | la trajera | rápidamente
I | told him | that | la trajera | rápidamente”

В данном примере можно наблюдать, что ключевые слова в предложении (подлежащее, сказуемое — в главном, сказуемое, дополнение, обстоятельство — в придаточном) сохранены в том же порядке [2, р. 86–90]. Вместе с тем, наблюдается опущение подлежащего в придаточном предложении, что характерно для испанского языка, где лицо уже определяется окончанием сказуемого. Следует также отметить, что если бы первая часть предложения была на испанском языке, а вторая на английском, то подлежащее (yo/I) и дополнение (le/him) также могли бы быть опущены, что, впрочем, носит опциональный характер.

Кроме подлежащих и дополнений, выраженных личными местоимениями, опущению может подвергаться безличное местоимение «it» в предложениях наподобие «It rains» («Идёт дождь») или «It snows» («Идёт снег»). В «спанглише» допустима укороченная форма «Rains» и «Snows», в связи с испанским вариантом «Llueve» и «Nieve», где местоимения не требуются.

Вместе с тем, достаточно часто можно наблюдать такое нарушение стандартного порядка слов в предложении, как вариативное местоположение обстоятельства в пределах предложения, вынос дополнения вперёд сказуемого и помещение определения после определяемого слова. Примером первого случая может служить предложение «¿Tomorrow vas a la marqueta?» («Идёшь завтра в магазин?»), где обстоятельством времени является «tomorrow» [5, р. 1]. Положение данного слова в предложении вариативно, то есть допустимы также варианты «¿Vas a la marqueta tomorrow?» «¿Vas tomorrow a la marqueta?», что связано с более свободным порядком слов в испанском языке.

Кроме того, вариативным является положение дополнения относительно сказуемого, к которому оно относится. Допустим вариант как характерный для английского языка, когда дополнение стоит после глагола, так и характерный для испанского — когда оно стоит до него. Так, например, возможны варианты: «El niño le hit» и «El niño hit him» («Ребёнок ударил его») [2, р. 86–90]. В данном случае всё зависит от того, из какого языка заимствуется дополнение. Немного другим является использование дополнения в случае, если в предложении применён испанский глагол. Например, во фразе «you can hacerme some taquitos» («ты можешь сделать мне несколько кукурузных лепёшек») [12, с. 1] можно наблюдать присоединение дополнения к глаголу, что характерно для испанской грамматики.

Вариативным также может быть положение определения (прилагательного) относительно определяемого слова. Так, оно может стоять как до него (как в английском языке), так и после (как в испанском). В переводе испанистом И. Стэвансом романа «Дон Кихот» можно наблюдать следующие вариации: «era un far better animal» («была гораздо лучшим животным»), где определение «far better» стоит до определяемого слова «animal»; «El spend cuatro días complete» («он провёл четыре полных дня»), где прилагательное «complete» стоит после определяемого слова «días»; «de tan famoso y worthy caballero» («такого известного и достойного рыцаря») — в данном случае как однородные определения использованы прилагательные на испанском «tan famoso» и английском языке «worthy», которые стоят до определяемого существительного «caballero» [11, с. 2].

Другим проявлением грамматической интерференции может служить приобретение изменёнными

¹ Смешанный язык — язык, возникший на основе полного билингвизма индивидов, когда двуязычные носители настолько хорошо знают оба языка, что создают их симбиоз, наделённый многочисленными сложными компонентами языков-источников.

² «Спанглиш» — обобщённое наименование группы смешанных языков и диалектов, присущих по большей части мексикано-американской приграничной зоне и объединяющих характеристики английского и испанского языков в их различных вариациях.

глаголами окончаний -ar, -er, -ir и, соответственно, I, II или III спряжения. Наиболее частым является, однако окончание I спряжения -ar. Вместе с окончанием глаголы приобретают прочие грамматические свойства, характерные для испанского языка, а именно спрягаются по лицам и числам и приобретают временные формы, выражаемые в изменении окончания [6, p. 120].

Возьмём для примера глагол «vacumear», образованный от английского «to vacuum» («пылесосить»), исп. вариант — «limpiar con aspirador»). Данный глагол может спрягаться по лицам и числам:

yo vacumeo	nosotros vacumeamos
tu vacumeas	vosotros vacumeáis
el, ella vacumea	ellos, ellas vacumean

Кроме того, данный глагол имеет временные формы, характерные для испанского языка. Например, простое прошедшее время будет образовано следующим способом:

yo vacumeé	nosotros vacumeamos
tu vacumeaste	vosotros vacumeásteis
el, ella vacumeó	ellos, ellas vacumearon

Подобным же образом формируется простое будущее время:

yo vacumearé	nosotros vacumearemos
tu vacumearás	vosotros vacumearéis
el, ella vacumeará	ellos, ellas vacumearán

Более сложные временные формы не особо используются в «спанглише», который приветствует метод максимального упрощения. Тем не менее, в случае их использования, они также образуются аналогично подобным формам и с помощью тех же вспомогательных глаголов, что и в испанском языке [2, p. 86–90].

При использовании предлогов в «спанглише» сказывается как влияние испанского языка на английский, так и английского на испанский. Некоторые устоявшиеся предлоги могут быть подвергнуты интерференции под влиянием другого языка, где применён иной предлог. Например, во фразе «fight with enemigo» («сражаться с врагом») вместо уместного в данном выражении английского предлога «against», по аналогии с испанским «con» («luchar con enemigo»), используется английский предлог «with». Во фразе «embarazada by twins» («беременная близнецами») правильным, с точки зрения английского языка, был бы предлог «with». Однако по аналогии с испанской фразой «embarazada de gemelos» также происходит некорректное замещение. Обратное влияние английского языка на отдельные испанские предлоги наблюдается в таких фразах, как «pensar de shopping» («думать о покупках»), где необходим предлог «en», но аналогично английской фразе «think about shopping» стоит предлог «de». Во фразе «soñar de mama» («видеть во сне маму») вместо уместного предлога «con» («soñar con mama») под влиянием англий-

ской фразы «dream about mama» использован предлог «de» [6, p. 122]. В тех же случаях, когда предлоги в двух языках совпадают, они могут быть просто взаимозаменяемы.

При использовании артиклей в «спанглише» подобная путаница, по большей части, отсутствует, так как и в английском, и в испанском языках имеются неопределённые a/un, una и определённые the/los, las артикли. Однако, как отмечает американский лингвист Дж. Липски, в отдельных случаях встречается применение артиклей по английскому образцу и подмена рода прилагательных и существительных: «mi blusa es blanco» — «моя блуза белая», «es la primer lengua que aprendí» — «это первый язык, который я выучил» — вместо правильного женского рода прилагательного «blanca» и необходимого отсутствия артикля перед числительным «primer», где определённый артикль поставлен под влиянием английского «the first». Кроме того, во втором примере, по-видимому, под влиянием английского слова «language» также неправилен род числительного «primer», так как существительное «lengua» имеет женский род и правильной была бы форма «primera» [3, p. 243].

Среди прочих проявлений грамматической интерференции можно отметить не всегда правильную форму отрицания применительно к английским глаголам. Например, в предложении «El jefe no want to pay us» («Шеф не хочет платить нам») [7, p. 602] с английским глаголом «want» использовано испанское отрицание «no». Аналогично с помощью «no» выражено отрицание и в предложении «El perro no eats this food» («Собака не ест эту пищу») [8, p. 478]. Необходимо отметить, что, если в первом предложении окончание -s у глагола третьего лица отсутствует, то во втором — оно имеется, что, по всей видимости, зависит от индивидуального использования говорящего и не может быть приведено в качестве грамматической тенденции.

Таким образом, на базе данных примеров было установлено, что грамматическая интерференция основывается на взаимодействии на морфологическом и синтаксическом уровнях языка. Степень влияния языков друг на друга зависит от исторического, территориального, социального, политического и прочих варьируемых факторов. Вместе с тем, невозможно отрицать главенствующую роль самих носителей в процессе языкового контакта. На основе вышеизложенного, интерференцию, независимо от её типа, можно определить как совокупность различных способов выражения одного смысла при помощи двух конкурирующих в сознании систем, на чём образуется третья, где и закрепляется данное явление, используемое при понимании и интерпретации речи.

Литература:

1. Bazell c. E. [Reply to Question IV].— International Congress of Linguists, 6th, 1950.
2. Fernández-Ulloa T. Espanglish y cambio de código en el Valle de San Joaquín, California.— California State University, BilingLatAm, 2004.

3. Lipski J. La lengua española en los Estados Unidos: avanza a la vez que retrocede. — *Revista Española de Lingüística* № 33, 2003.
4. Martinet A. *Elements de linguistique generate.* — Paris, 1960, Ch. 6, § 4.
5. Muñoz A. A. Idioma castellano amenaza derrotar al inglés en su propia tierra: ¿spanglish? — 2017. <http://www.surysur.net/idioma-castellano-amenaza-derrotar-al-ingles-en-su-propia-tierra-spanglish/>
6. Nginios Rosa-Triantafilian. *Sobre el spanglish en los Estados Unidos.* — Section d'études hispaniques — Montréal: Université de Montréal, 2011.
7. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching. — *Linguistics* 18, 1980.
8. Timm L. A. Spanish-English Code-Switching: El Porqué and How-Not-To. — *Romance Philology* № 28, 1975.
9. Вайнрайх, У. *Языковые контакты.* — Киев: «Вища школа», 1979.
10. Верещагин Е. М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // *Иностранные языки в высшей школе.* № 4. — 1968.
11. Михеева Н. Ф. *Межвариантная диалектология испанского языка.* — Учебное пособие. — М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006.
12. Осинцева Т. В. *Спэнглиш как феномен заимствований в испанском языке.* — Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2016.
13. Щерба Л. В. *О понятии смешений языков* // *Избранные работы по языкознанию и фонетике.* Т. I. — Л., 1958.
14. Ярцева В. Н. *Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты».* — Киев: «Вища школа», 1979.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Стилистические особенности освещения темы киберспорта на телеканале «2x2»

Крыпаева Елизавета Викторовна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

«2x2» один из немногих телеканалов на территории Российской Федерации, освещающий события киберспортивного мира. Несмотря на то, что для телеканала основным направлением является развлекательное, он активно выступал за признание данной ветви в спорте. Контент 2x2 в преобладающем количестве это мультсериалы для подростков и взрослой аудитории. Но в 2015 году телеканал объявил о продвижении манифеста в честь освещения киберспортивного мира в России. Однако форма этого выступления выглядела своеобразно. 31 октября 2015 года в 23:10 по московскому времени была показана трансляция финала Чемпионата мира популярной игры League of Legends. Редакция призвала присоединиться к просмотру соревнований ради «решения судьбы целой культуры».

Прежде всего стоит отметить речевое своеобразие корреспондентов, которых на протяжении всего выхода на 2x2 было девять (две из них — иностранки). Д. В. Деснюк [3] отметил: «Нередко в поисках нужного эпитета комментатор находит нечто совсем необычное, что может вызвать улыбку у телезрителя. Это происходит не только из-за богатой фантазии, но из-за экстремальных условий, в которых эти слова подбираются». Именно такие ситуации встречаются на киберспортивных выставках, фестивалях и ивентах. Корреспондентки на себе проверяют новые технологии в мире игр (как компьютерных, так и для консоли), испытывая разнообразный спектр эмоций. Например, на одной из международных выставок под названием «Е3», которая продлилась четыре дня, Лори Корней использовала уменьшительно-ласкательные суффиксы. В следствие чего появлялись такие слова, как, например, «новенького».

Дарья Островская, одна из русских журналистов, использовала в своей речи обилие как молодежного, так и игрового сленга. Благодаря этому зритель мог часто услышать слова: «тусовки», «врубайте», «кайф», «девайсы».

Не менее оригинальной была девушка по имени Анна. В своей речи она часто использовала трансформированные фразеологизмы по типу: «Все, что было в Сан-Диего — остается в Сан-Диего».

Однако указанные примеры не являются единственным своеобразием речи корреспонденток. Помимо прочего, речь журналистов изобилует метафорами, эпитетами и сатирическими высказываниями, аббревиатурами. Вся их лексика носит экспрессивный характер, что связано с эмоциональностью и живой подачей репортажа.

Как и в освещении всего спорта в целом, так и в отдельных направлениях, журналисты используют много иноязычных терминов, синонимов которых нет в русском языке. Так, например, в случае полного и краткого объяснения в ход идут слова по типу «геймеры» и «блогеры».

Наряду с иноязычными терминами, скопированными с английского языка, так же присутствует большое количество иноязычных вкраплений, популярных среди молодежи. Это обычно такие слова как «уикенд», «ориджинал» и т.д.

Однако ведущее место, в связи с названием абсолютно всех игр и игровых консолей на английском языке, занимает транслитерация.

Помимо использования корреспондентками всех речисленных речевых средств стоит отметить, что подобным образом выражаются и сами участники, и организаторы мероприятий, а также киберспортсмены, у которых журналистки берут интервью.

Абсолютно во всех репортажах данной программы журналисты активно обращаются к мнению гостей, спортсменов, организаторов, создателей игр и др. Так же очень часто комментарии интервьюируемых девушки дополняют собственными фразами, часто в юмористической окраске.

Эмоциональный настрой корреспонденток с самого начала сюжета располагает к себе зрителя, проецирует всю атмосферу на свои внутренние ощущения. Благодаря активному участию журналисток в освещении киберспортивных мероприятий и соревнований создается ощущение присутствия.

Рассмотрим еще одну программу «С Любовью Киберспортивной», вышедшую в конце декабря 2017 года, трансляция которой продолжалась вплоть до февраля

2018. Это партнерский проект телеканалов 2x2, МатчТВ и коммерческой компании АХЕ.

Прежде всего стоит отметить саму игру слов в названии новостной программы — псевдоним ведущей: Любовь Станиславовна Киберспортивная.

В отличие от корреспонденток «Гаманойда», ведущая использует, помимо молодежного и игрового сленга («читерство»), варваризмы («вытащили» в значении выиграли), большое количество как нетрансформированных цитат, так и искаженных. Например, в одном из выпусков журналистка употребляет известную фразу Владимира Владимировича Путина — «мочим». В конце каждого выпуска, Любовь Станиславовна подводит итог, используя слова известных и исторических личностей, философов.

Литература:

1. Борытко А. Н. К вопросу о терминологической ясности речи спортивного комментатора: экспериментальное исследование. — Волгоград, 2012.
2. Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете. — М., 2007.
3. Деснюк Д. В. Языковая специфика спортивного телетекста. — М., 2010.
4. Зарипов А. Р. Лексический аспект киберспортивного дискурса. — Казань, 2016.

Речевое своеобразие и работа комментаторов в трансляциях киберспортивных матчей на телеканале «Матч ТВ»

Крыпаева Елизавета Викторовна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

«Матч ТВ» является ведущим спортивным телеканалом на территории Российской Федерации. Помимо ежедневных программ, связанных с тематикой спорта, он так же показывает трансляции Чемпионатов мира, России, а также чемпионатов международного уровня.

Стоит отметить, что с возникновением новой дисциплины под названием «киберспорт» телеканал начал активно поддерживать данное направление в развитии спорта. «Мы видим огромный потенциал темы киберспорта — особенно благодаря тому, что мы привлекаем к телесмотрению эфира молодую активную аудиторию, которая почти отказалась от просмотра федерального телевидения», — сообщила на сайте канала генеральный продюсер «Матч ТВ» Тина Канделаки.

Кроме того, телеканал выступает информационным партнером российских турниров по киберспорту.

Сами трансляции чемпионатов на «Матч ТВ» позволяют полноценно ощутить всю атмосферу состязаний. Но стоит подробнее остановиться на функционировании комментаторов и студий аналитики во время матчей.

Каждая трансляция начинается с мнений аналитиков, сидящих в студии. Они обсуждают сам турнир, нововведения в игре, по которой проводится чемпионат, обсуждают сетку матчей и делают прогнозы. После каждого матча аналитики (обычно 4 человека в студии) делятся впечатлениями, анализируют итоги, ошибки игроков,

Кроме того, еще одной речевой особенностью ведущей является «зажёвывание» некоторых согласных в словах и не всегда корректное использование транслитерации в случае названий каких-либо игр или игровых платформ (Например, «КС ГО» вместо «КС ГОУ»). Однако свои промахи журналистка восполняет различными взаимодействиями с окружающими ее предметами, либо невербальными жестами.

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что речь журналистов на телеканале 2x2 изобилует множеством тропов, эпитетов, фразеологизмов и иноязычной лексики. Помимо этого, главную роль играют и индивидуальные особенности каждого корреспондента или ведущего.

вновь обращаются с прогнозам, надеждам и пр. Их речь насыщена варваризмами («камбэк», «бан»), киберспортивной лексикой («патч», «законтрить», «пик»), заимствованиями, метафорами, транслитерацией («Virtus PRO» и другие названия команд), вводными конструкциями (например, часто употребление наречия «собственно» как вводного слова), военной лексикой («вражеский», «противник», «стратегический план»). Так же встречаются иноязычные аббревиатуры (FB — First Blood) и инверсия (слова аналитика Ярослава Кузнецова: «Вчера они взяли вот этого вот Абаддона своего»).

Однако ведущую роль занимают комментаторы. Они не только полноценно освещают ход матча, но и пропускают через себя и зрителя эмоции от увиденного.

Во время трансляции самого матча все своеобразие отображения уже переходит в руки двух комментаторов. Им приходится перемещаться по игровой карте от игрока к игроку, показывать особенности каждого персонажа, связанные с решением каждого члена команды. В левой части экрана зритель может наблюдать сетку развития каждого персонажа, в которой показаны иконки с их изображениями и стоимость. Помимо этого, комментаторы после каждой схватки обращаются к статистике, чтобы наглядно показать болельщикам успешность битвы для одной из команд. В конце самого матча обычно идет небольшая речь о впечатлениях после игры.

К. В. Снятков [3] рассматривает диалогичность речи двух комментаторов. Это напрямую связано и с трансляциями на «Матч ТВ», так как, в основном, освещение событий матча производится именно двумя людьми.

Тон комментаторов обычно спокойный и уверенный, в котором присутствует обилие оценочной лексики («безрезультатная схватка», «отличная игра» и т.д.). Тем не менее во время напряженных периодов матча, их речи становится быстрее. При этом, как и во всех других сюжетах, здесь присутствует повышенное количество киберспортивной терминологии.

Помимо этого, встречаются и авторские неологизмы (Aegis — «Камень бессмертия»), фразеологизмы, уменьшительно-ласкательные суффиксы («аккуратненько», «станчик», «топорик» и т.д.).

К тому же, комментаторы так же, как и аналитики в студии, анализируют выбор героев, действия игроков (которых называют не только по именам персонажей, но и по собственным никнеймам), сопоставляют события данного дня и каких-либо историй из жизни спортсменов, прогнозируют действия игроков, обсуждают нововведения в игре, отмечают важность матча в турнире для сражающихся команд, ситуативных положений команд в ходе состязания. В тоже время комментаторы рассматривают соперничество как между отдельными игроками, так и между командами.

Однако обычно комментаторы не вступают в коммуникацию со зрителями, но на чемпионате РФПЛ по киберфутболу встречались моменты, когда со зрителями вели активный диалог. В данном, случае это было связано с небольшой зрительской аудиторией, присутствующей непосредственно в зале.

Тем не менее в речи комментаторов можно встретить и минусы, которые иногда могут резать слух зрителю-знатоку. Это периодически неправильная постановка ударений в названиях игровых предметов или имен персонажей, за которых играют команды.

Стоит отметить, что повышенное употребление транслитерации во всех сюжетах связано именно с тем, что названия всех команд, даже русскоязычных, написаны именно на английском языке, в том числе и никнеймы игроков (Например, названия команд: «Virtus PRO» (они же «VP»), «NP», «Wings». Или никнеймы членов команды «VP»: «Lil», «Solo», «RAMZES666» и др.).

Таким образом, речь журналистов, комментаторов и аналитиков на телеканале насыщена множеством киберспортивной лексики, фразеологизмами, эпитетами, оценочной лексикой, транслитерацией и варваризмов. В первую очередь, это связано с трансляциями и освещением мировых и международных киберспортивных матчей, кубков.

Литература:

1. Ермакова Е. Н., Прокопова М. В. Трансформация фразеологических единиц в языке СМИ: лингвокреативный потенциал языка спортивного комментатора. — Кострома, 2016.
2. Зарипов А. Р. Лексический аспект киберспортивного дискурса. — Казань, 2016.
3. Снятков К. В. Речевое поведение спортивного телекомментатора в аспекте монологичности/диалогичности (на материале комментариев Алексея Попова). — СПб, 2008.
4. Суходимцев П. А. Комментатор киберспортивных состязаний: развлечение или профессия? — М., 2016.
5. Филимонова Е. П. Языковая личность спортивного комментатора в дискурсивном пространстве СМИ. — Майкоп, 2017.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Происхождение фразеологических единиц английского языка как объект лингвокультурологии

Кокора Юлия Васильевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрена взаимосвязь образа и предмета в качестве основ происхождения фразеологических единиц. Дается информация об истории их происхождения (на основе реалий, художественных произведений, Библейских мотивов). Делается вывод о постоянном пополнении фразеологической системы на основании непрерывного и динамичного развития языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвокультурология, реалии, литературное происхождение.

Речь является основным способом взаимодействия людей. Согласно теории «Лингвистической относительности» Сепира-Уорфа «каждый видит мир через призму своего языка». Язык и культура неразрывно связаны друг с другом. Особенности быта и исторического развития народа меняют его.

Лингвокультурология изучает взаимосвязь культуры и языка, отражает этот процесс как единую систему. Цитаты, пословицы, поговорки, фразеологизмы являются своеобразной летописью прошлого, выражают национальный характер носителей языка. При переводе важно не только передать смысл идиомы, подобрав аналогичное выражение в русском языке, но и сохранить при этом стилистическую функцию фразеологизма.

Английский язык имеет тысячелетнюю историю. С течением времени он вобрал в себя огромное количество устойчивых выражений, благодаря которым речь его носителей стала богаче и разнообразнее.

Античные века и эпоха Возрождения повлияли на возникновение так называемых «фразеологических эквивалентов». И в английском, и в русском языке существуют такие устойчивые выражения как «the heel of Achilles» (ахиллесова пята), «to cross the Rubicon» (перейти Рубикон), «The sword of Damocles» (дамоклов меч), Pyrrhic victory (пиррова победа) и т.д., обусловленные общим культурным наследием, оставленным потомкам.

Многие устойчивые выражения, имеющие в обоих языках общее семантическое значение, исходят из Библии. Это величайшее произведение обогатило фразеологизмами не только английский, но и многие другие языки мира. «Книга книг» стала источником бесконечного числа цитат и множества устойчивых выражений. Например, выражение «блудный сын» (prodigal son), используемое в ироничном смысле и означающее человека, надолго покинувшего отчий дом. Наибольшее ко-

личество библеизмов вошло в английский язык в период средневековья. К концу четырнадцатого века появился первый полный перевод Библии на английский язык, автором которого стал Джон Уиклиф. Впоследствии появился также протестантский перевод, выполненный Уильямом Тиндалом и вызвавший общественный резонанс, в результате которого в 1537 г. по приказу Генриха VIII была издана английская Библия, соответствовавшая требованиям Англиканской церкви. В результате многочисленных противоречий, переводческих исканий и исторических особенностей этого периода в английский язык прочно вошли такие устойчивые выражения как «daily bread» — «хлеб насущный»; «poverty is no sin» — «бедность не попок», «forbidden fruit» — «запретный плод», «guiding light/star» — «путеводная звезда» и т.д.

Большой вклад в развитие английской фразеологии внесли произведения великого поэта и драматурга Уильяма Шекспира. Из одного лишь «Гамлета» в повседневную английскую речь вошло множество цитат, которые «давно перестали быть цитатами и превратились в ходячие выражения» [7 с.94]. В русский язык прочно вошла знаменитая фраза из пьесы «Гамлет»: «To be or not to be» — «быть или не быть». Благодаря произведениям Шекспира в английский язык вошло около 135 идиом. Так, например, из пьесы «Отелло» появилось знаменитое выражение «to wear one's heart on one's sleeve», означающее неумение и нежелание скрывать свои чувства. Дословно оно переводится как «носить сердце на рукаве» и предположительно восходит к рыцарским временам. Очень часто в России эту фразу заменяют фразеологическим аналогом «душа нараспашку». Также из пьесы «Отелло» произошли такие известные фразеологизмы как: the green-eyed monster — «чудовище с зелеными глазами» (книжн.), ревность; the seamy side — неприглядная сторона, изнанка чего-либо;

curled darlings — состоятельные женихи, богатые бездельники, впоследствии выражение стало часто переводиться фразеологическим аналогом «золотая молодежь».

Однако многие шекспиризмы подверглись изменениям в процессе времени. Так, например, выражение «by golden opinions» — заслуживать благоприятное мнение о себе — на сегодняшний день чаще используется с глаголом «to win», а фразеологизм, пришедший из исторической хроники «Генрих IV» — «the better part of valour is discretion» (одно из украшений храбрости — скромность) — нередко подвергается инверсии.

Знаменитый писатель У. Теккерей является автором фразеологизма «Vanity Fair» — «Ярмарка тщеславия». Название для своего романа английский классик заимствовал из произведения Джона Беньяна «Путешествие пилигрима», главный герой которого бежит из Города Разрушения и, миновав на пути искушения и соблазны, в том числе «ярмарку Суегь», достигает земли обетованной. Но именно благодаря У. Теккерее простое словосочетание превратилось в известный всем фразеологизм.

Культурно-познавательная ценность фразеологизмов заключается в их способности показывать различные точки зрения на разные явления действительности и в то же время давать этические и эстетические оценки.

Наибольший интерес представляет фразеологизм «to Play Russian roulette». Выражение «русская рулетка» иногда применяется в переносном смысле для обо-

значения потенциально опасных действий с трудно-предсказуемым исходом, а также для обозначения храбрости, граничащей с безрассудством.

Иногда фразеологизмы, имеющие в ИЯ и ПЯ одинаковую или похожую структуру, в силу расхождения эмоционального и эстетического значений, не могут являться фразеологическими аналогами. Например, английское Jack of the trades и русское «мастер на все руки» оба относятся к человеку, который может заниматься самыми разными делами. Однако эти идиомы не являются фразеологическими аналогами, поскольку у них не совпадают эмоциональные значения. По-русски это, действительно, мастер, умелец в положительном смысле, а по-английски — master of none, то есть неумеха, хватающийся за все дела одновременно, но ничего толком не умеющий.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что фразеология — неотъемлемая часть и своеобразная сокровищница любого языка мира, в ней заключена многовековая история народа, своеобразие культуры, быта, традиций.

Английский язык с его огромным количеством фразеологизмов является одним из самых богатых в мире. Все события, происходящие в Великобритании, отражаются в них: политика, спорт, культура, повседневная жизнь. Многие устаревают, но на смену приходят новые. Поэтому, можно с уверенностью утверждать о том, что фразеологическая система английского языка с каждым днем будет развиваться и преумножаться.

Литература:

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода — СПб., 2002. 287 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
3. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. Монография. 2-е изд., испр. и доп. — Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. — 246 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. учебник для факультетов иностранных языков. 2 — е изд. перераб. — М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996–381 с.
5. Фразеологизмы в научных текстах на английском языке. Юнусова М. Рубрика: 5. Общее и прикладное языкознание. Опубликовано в IV международная научная конференция «Актуальные вопросы филологических наук» (Казань, октябрь 2016) Дата публикации: 05.10.2016; 142 с.
6. Электронный учебник. «Нора Галь — Слово живое и мертвое» в формате fb2, epub, txt, doc, pdf. Жанр: Языкознание, издательство Международные отношения, год 2001, 190 с.
7. Линн Виссон, Русские проблемы в английской речи. Издатель: ООО «Р. Валент». Город печати: Москва. Год печати: 2005, 94 с.
8. Английский язык. Учебник устного перевода, Миньяр-Белоручева А. П., Миньяр-Белоручев К. В, Издательство: Экзамен, 2003 г., 140 с.
9. Виноградов В. С. «Перевод. Общие и лексические вопросы», Книжный дом «Университет» 2004 г. — С. 124–130.
10. Шекспировская энциклопедия / под ред. С. Уэллса при участии Дж. Шоу; пер. А. Шульгат — М.: Радуга. 2002. — 250 с.

Филология и лингвистика

Международный научный журнал

№ 2 (14) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Оформление обложки Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 5.08.2020. Дата выхода в свет: 10.08.2020.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.